

The background of the book cover is a dark blue, almost black, field filled with concentric circles and lens flare effects. A large, detailed camera lens is the central focus, with its various elements and a scalloped outer ring visible. The lens is illuminated from the left, creating a bright starburst effect. In the bottom right corner of the lens area, the words "ZOOM LENS" are written in a white, sans-serif font, rotated 90 degrees counter-clockwise. At the top center, there is a white rectangular box containing the author's name.

Тамара Соколова

Пасынки лжи

ZOOM LENS

Тамара Соколова

**Пасынки лжи. Памяти
свободных СМИ посвящается**

«Издательские решения»

Соколова Т.

Пасынки лжи. Памяти свободных СМИ посвящается /
Т. Соколова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905280-3

Кухня современной журналистки. Можно ли убить или довести человека до тюрьмы ради рейтинга? Сколько раз должен продаваться хороший журналист? На фоне коррупции и противоборства между кланами за контроль над денежными потоками профессионалы масс-медиа пытаются выжить и остаться настоящими журналистами.

ISBN 978-5-44-905280-3

© Соколова Т.
© Издательские решения

Содержание

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны	6
Часть 1	7
I	7
II	9
III	11
IV	13
V	16
VI	20
VII	22
VIII	24
IX	26
X	29
XI	31
XII	36
XIII	39
XIV	43
XV	47
XVI	49
XVII	51
XVIII	54
XIX	57
XX	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пасынки лжи Памяти свободных СМИ посвящается

Тамара Соколова

© Тамара Соколова, 2018

ISBN 978-5-4490-5280-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны

*Мы живем, под собой не чужа страны,
Наши речи за десять шагов не слышны...
О. Э. Мандельштам*

Часть 1

Последняя осень

I

Солнечное сентябрьское утро. В здании бывшего детского садика, отданного под газету «Губернаторские вести», было необычно тихо. Сотрудники собрались в кабинете главного редактора. Стульев всем не хватило. За огромным столом совещаний разместились журналисты. Остальные столпились около двери и вдоль стен. В открытую балконную дверь врвался терпкий запах сжигаемых листьев. Главный журналистский начальник области – руководитель департамента по связям с общественностью и СМИ Татьяна Рыльская говорила о том, что глава региона принял решение назначить Ирину Петровну Скрыбину главным редактором губернского издания со всеми вытекающими из должности обязанностями и правами.

Ирина с трудом сохраняла спокойное выражение лица. Ей хотелось запрыгнуть на одной ноге, выбежать на балкон своего нового кабинета и запеть во все горло. Она понимала, что в 42 года столь высокий пост означал невероятное везение, последний шанс вылезти из могильника журналистов, сформировавшихся в лихие 90-е, а сейчас в лучшем случае протирающих штаны на чиновничьих мелких должностях или в пресс-службах всяких фондов и предприятий.

Скрыбина стремилась в ограниченный круг бывших правдорубов перестройки, которые так хорошо и высоко устроились во власти, что позабыли, с чего они начинали. Они не мечтали уехать в столицу. В родных пенатах у них были уважение, почет и кусок хлеба с таким толстым слоем масла, которого хватало на всех родственников. Шансы Ирины устроиться так же удачно таяли с каждым месяцем. Молодые наступали на пятки и вызывали одновременно брезгливость и зависть своим напором и беспринципностью. И вот новый поворот.

Ирина окинула взглядом своих вчерашних коллег, а теперь и подчиненных. Изобразила на лице спокойствие и доброжелательность. Еще пару недель назад на корпоративной вечеринке она проглатывала заносчивость одних и панибратство других. Нельзя сказать, чтобы ее не любили, но и своей не признавали. Она отличалась от всей братии тем, что попала в газету не из высокой милости – «пристроили своего человечка», а благодаря своим способностям в рекламе и продажах.

Независимость, знакомства в бизнес-среде широкий кругозор делали Скрыбину «белой вороной» среди работников официального издания. Здесь не было случайных людей. Сплошные «позвоночные». Финансирование из бюджета позволяло выплачивать сотрудникам редакции хорошие зарплаты даже в те времена, когда другие газеты закрывались или сокращали периодичность выхода. Поэтому каждый чувствовал себя наиталантливейшим и наипопулярнейшим, начиная с обозревателей и заканчивая уборщицей. Склоки и стукачество были характерной чертой коллектива.

Скрыбина внимательно всмотрелась в каждого. Рекламный отдел – еще вчера ее непосредственные подчиненные – только ушами не шевелил, чтобы показать свою радость. Они надеялись на то, что перемена в руководстве существенно облегчит их работу, реклама перестанет быть необходимым, но досадным придатком редакции. Верстальщики-дизайнеры откровенно скучали. Любые перестановки мало влияли на их работу. Спецкоры в районах тоже не испытывали тревоги. Областная газета мертва без вестей с мест. Так думали они.

Более разнообразная гамма чувств была на лицах местного журналистского коллектива. Многие вспоминали стычки со Скрыбиной и гадали, чем может все обернуться. Метелина –

грузная брюнетка в ярком балахоне – старалась улыбаться, но доброжелательная маска не удалась. Непроизвольно то правая, то левая ее рука поправляли бретельки бюстгалтера на пухлых плечах. Евгения Васильевна ненавидела Скрябину со всей страстностью своей большой натуры. Женская зависть – страшная штука. Особенно если она касается мужчины. Ирина знала причины этой зависти, и насмешливая улыбка проскользнула по ее лицу. Очень давно, когда Метелина была раза в три стройнее, она хотела очаровать одного местного крупного бизнесмена. И вроде бы все шло на лад. Пока бизнесмен не увидел на балу прессы Скрябину: молодую, привлекательную, с длинными белокурыми волосами ниже талии. Ирина не поощрила богатого парнишу на дальнейшее ухаживание, но к Метелиной он так и вернулся. А потом и вовсе уехал в Москву.

Марина Карманова больше всего на свете любила себя и власть имущих. Она считала себя элитой этого мира и любила указать коллегам на их «быдловатость», хотя сама вышла из семьи библиотекаря и зоотехника. Вещи «от кутюр», купленные на распродаже в Париже, довольно странно смотрелись на крепко сбитой фигуре потомственной крестьянки. Но пока ты не наступаешь на ее самолюбие, говоришь о ее гениальности, можно быть спокойным в преданности и лояльности. Вот и сейчас она одобрительно улыбалась Ирине.

Иван Полухин не сводил взгляда с Рыльской. Интеллигент в пятом поколении, он никому не перебежал дорогу, никому не мешал. Им затыкали все журналистские дыры, посылали в самые дальние командировки, отправляли на рейды и выезды в воскресенье. Иногда он срывался, даже покрикивал, но быстро успокаивался и вновь тянул ляжку безотказного воина журналистского фронта. Капустина, Трифонова, Суздальцев, Соболев... От изучения лиц и анализа сущности их обладателей Ирину отвлек голос Рыльской.

– Может, у кого-то будут вопросы к Ирине Петровне?

Вопросов, как обычно, не было. Задвигались стулья. Редакция разбрелась по закуткам, чтобы обсудить новость.

Рыльская повернулась к Ирине. Это была крупная женщина, посвятившая себя без остатка аппаратной работе. Короткие массивные ноги, чтобы уверенно ходить по земле, и внушительный зад, чтобы удобно сидеть на многочисленных заседаниях. Именно Татьяна Сергеевна во многом поспособствовала назначению Скрябиной на данный пост.

– Я думаю, Ирина Петровна, что нас ждет интересная плодотворная работа. Согласно закону о средствах массовой информации учредитель, а значит, администрация не должна вмешиваться в редакционную политику издания. Вот мы и доверяем вам вести газету правильным курсом. Уверена, что не будет ничего страшного, если мы с вами, по-приятельски, периодически будем говорить о газете, обсуждать главные темы, чтобы издание было интересным как для читателей, так и учредителей.

II

Рыльская оказалась в области сразу после назначения губернатором Алевтины Георгиевны Медведевой. До этого они долгое время проработали в окол Кремлевском пространстве и приятельствовали, знали сильные и слабые стороны друг друга. Татьяна Рыльская уважала губернатора за кипучую энергию, научилась работать с ней в едином ритме и знала, что же на самом деле стоит за суетой, вечными перестановками и фееричными инициативами губернатора.

Татьяна Рыльская была профессионалом. Она знала когда, как и кому что сказать. Ее сотрудники работали по 12 часов в сутки, порой без выходных и за ласковое слово Татьяны Сергеевны были готовы умереть на рабочем месте. Все объяснялось предельно просто. Для себя она выбирала тех работников, для которых мелкая аппаратная работа была потолком. Это были честные труженики пера, которым надо было кормить семьи, и после стен администрации они оказались бы в самом низу иерархической лестницы.

Поэтому редакции были завалены пресс-релизами о каждом шаге губернаторской команды, на каждый чих «высших лиц» строчились здравицы, любое мероприятие, даже самого мелкого масштаба, от концерта до открытия детской площадки сопровождалось сообщением из пресс-службы администрации. Это создавало ложное ощущение, что все находится не просто под контролем власти, но и именно ею инициируется.

Татьяна Сергеевна знала, что для сегодняшнего времени главное не делать, а правильно преподнести сделанное другими. Именно поэтому губернатор открывала производства, которые разрабатывались без ее участия, школы, построенные на деньги спонсоров, дворцы спорта, которые финансировались командой предшественника. И у каждого стороннего наблюдателя возникала мысль, что без губернатора ничего не смогло бы состояться. А для большей убедительности на помпезные мероприятия обычно приглашались высокопоставленные гости из Москвы. Так губернатор получала дополнительные «галочки» в Кремле и создавала видимость вхождения в ближайших «кремлевский» круг. Ведь никто не знал, что на самом деле стоит за приездом того или иного высокопоставленного чиновника. Сколько в это вкладывается бюджетных и «спонсорских» денег.

Татьяна Рыльская это знала. Поэтому, прежде чем попасть к главе региона, большинству приходилось пройти через ее кабинет этажом ниже. Порой именно там решались вопросы многомиллионных контрактов и откатов за эти контракты.

Слабым звеном патронессы СМИ был муж. Как часто бывает у сильных женщин, рядом с ней был тот, кого постоянно приходилось пристраивать и пропихивать. Лет пятнадцать назад все было наоборот. Именно муж привел Татьяну в политику. Его комсомольское прошлое позволило без труда устроиться на высокооплачиваемую и необременительную должность в столичном чиновничьем аппарате. Татьяна занималась детьми. А когда они подросли, робко попросила устроить и ее куда-нибудь «наверх». Сначала сидела на окладе рядового чиновника пресс-службы. Но быстро выросла, обросла нужными знакомыми и одним рывком обогнала мужа и по денежному довольствию, и по положению. С числом нулей в зарплатной ведомости у Рыльской изменилось отношение к мужу. Вместо обожания – легкое пренебрежение, вместо роли жены – роль хозяйки. Он сначала скандалил, даже из дома ушел, а потом остепенился и стал тенью жены. Вот так они и жили последние 10 лет.

Подобные истории в команде губернатора Медведевой были не редкостью. Можно даже сказать, что они были желательными при отборе в команду. Остаться мужчиной в команде губернатора оказалось практически невозможной задачей. Алевтина Георгиевна любила публичные разборки, обидные прозвища и невыполнимые поручения. Чиновники старой закалки не сразу поняли, что главное не сделать, а правильно отчитаться, и многие были сняты с позо-

ром. Остальные уходили сами. Поэтому женский батальон в команде Медведевой определял всю политику области.

Но женское сосуществование имело свои изъяны. Спустя несколько месяцев после губернаторских выборов в команде Медведевой начались стычки. Каждая из высокопоставленных чиновниц хотела получить побольше кусков регионального пирога. Склоки из-за «золотых» мест для пристраивания мужей, друзей и детей стали обычным делом. Вот и сейчас Рыльская думала, как обойти противоборствующую команду и посадить мужа в кресло руководителя одного из последних успешных аграрных муниципальных предприятий. Сегодня оно муниципальное, а завтра может акционироваться. И при хорошем раскладе может быть выгодно продано одному московскому знакомцу, который давно вынашивает планы о развитии подобного бизнеса на восток от столицы.

Карманное масс-медиа открывало большие возможности для ведения боевых действий. В лояльности Скрябиной Рыльская не сомневалась. Только надо не торопиться. Противоборствующий лагерь был силен и беспринципен.

То, что Алевтина Георгиевна своеобразно относится к трезвости, Рыльская, конечно, знала давно. И как человек опытный понимала, что большая часть непродуманных поступков и намерений губернатора связано именно с такой страстью Медведевой. О подобной широте души высшего должностного лица области стало очень быстро известно на новом месте. Более прозорливые были шокированы этим обстоятельством, так как прогнозировать шаги руководителя, находящегося или в запое, или в короткой ремиссии, очень сложно. Она часто меняла любимчиков и по-обывательски больше верила сплетням, чем фактам. Вице-губернаторы и руководители департаментов долго не могли привыкнуть к звонкам пьяного губернатора в четыре часа утра с известием, что они уволены. Они не спали остаток ночи, бледные приходили на работу и... ничего. Главное лицо области не помнила о кадровых решениях, она вообще много чего не помнила. Вертикаль власти постоянно подвергалась тектоническим сдвигам. Миллиардные контракты и выстраиваемые годами отношения рушились, как картонный домик, из-за болезненного состояния Медведевой. Более наглые надеялись подобный изъян бабы Али выкружить в свою сторону. Но только одному человеку это виртуозно удавалось.

Олеся Карпович была советником губернатора и постоянным участником губернаторский возлияний. Средних лет женщина, грузная, всегда в мешковатом, неряшливом костюме, с постоянно сонным выражением на лице, с грубыми шутками и прибаутками, она была серым кардиналом администрации, кукловодом большой армии чиновников и примкнувших к ним бизнесменов. У нее не было мужей, детей и друзей, бизнеса и страсти к деньгам, поэтому она была независима и очень опасна. Ею двигало уязвленное когда-то самолюбие и жажда постоянного унижения других.

Рыльская все это знала и готовилась к большой войне за жизненное пространство.

III

Курилка располагалась в заброшенной комнатке подвала. Следы грибка, отвалившаяся штукатурка и старая, списанная из кабинетов редакции мебель навевали мысли о подполье, заговорах и прочих тайнах. Сегодня сюда пришли даже те, кто никогда не курил или давно бросил. Всем хотелось обсудить новость о назначении Скрябиной.

Метелина рывком вытащила сигарету из пачки, долго не могла совладать с зажигалкой, обломала ноготь о непослушное колесико, все же запалила сигаретку и глубоко затянулась. Карманова с презрением наблюдала за манипуляциями грузной, раскрасневшейся женщины и чувствовала злорадство от того, что Метлу распирает злость, но высказать накопившееся раздражение она не может. Времена изменились, и как прореагирует Скрябина на нелюбезное сообщение, исходящее от нее, Евгении еще не известно.

– Чего психуешь? – доброжелательно спросил Суздальцев Метлу. Он был заместителем ответственного секретаря редакции, относился ко всем очень ровно – никого не любил – и, хотя знал причины настроения коллеги, хотел вывести ее на откровенные высказывания.

– А что мне психовать? Что может измениться в моей работе? – сдерживая злость, ответила Метелина. Но тут самообладание ее покинуло; – Надо быть совсем дураком, чтобы эту стерву поставить на редакторское место. Съела предшественника и даже не поморщилась.

– А что ей морщиться? – заступилась за Скрябину молодая журналистка Трифонова. Она работала в газете уже три года, но еще не окончательно обросла панцирем цинизма и равнодушия. Редкий нынче дар. – Она кляуз не писала, с докладами не бегала. Просто хорошо себя зарекомендовала перед губернатором во время предвыборной кампании. А Тюленева мне очень жалко. Кстати, где теперь он?

– Пьет дома. Пока все выходное пособие не пропьет, не успокоится. Он не мог усидеть на редакторском месте все равно. Не было бы Скрябиной, были бы другие. Павлуша слишком много времени проводил на посиделках команды старого губернатора. Считал, что он им обязан своим теплым местом. Ведь смешно вспомнить, как он попал к нам. Вчера пьяный шараялся вместе с телевизионщиками по центру города, а через день в белой рубашке принимал поздравления в ранге редактора областной газеты, – заметил Суздальцев, разминая сигарету руками, которые много трудятся, и не только за письменным столом.

– Просто ставить было некого, – ответила Карманова, она пыталась отряхнуть с юбки невидимую пылинку. – Свой в доску – это главное. Сейчас это решающее для любой должности. Помните, как он пытался понять, что такое газета. Революцию осуществить. Делать газету для читателей. Говорил о необходимости отказаться от перепечатки пресс-релизов, ввел разную оплату за материалы с официальных мероприятий и журналистские расследования. Все это популизм и не более. Надо было быть гибче и знать, на кого опираться. Мне его ни капли не жалко.

И она презрительно поджала губы.

– Но он разобрался. И все, что было сделано, отлично сказалось на рейтинге издания, – стряхнув пепел с сигареты прямо на пол, сказала Светлана Капустина, – он позволял писать то, что нравится. Правда, до особых пределов, если ты не затрагиваешь губера, но поле для маневров оставалось огромное. Материалы из номера он не снимал, воровать – не воровал и между собой никого не сорил. Я думаю, Ирка менять эти правила не будет.

– Не будет, если ей на это не укажут, – раздавив окурок в пепельнице, сказал Суздальцев. – Она больше, чем Тюленев, повязана обязательствами. Думаю, пять оды губернатору мы будем с удвоенной силой.

– А что бы и не попеть? Чем наша работа хуже другой? – в словах Кармановой звучал вызов. – Мы выполняем госзаказ. Значит, будем говорить о том, о чем нужно.

– Но ведь мы журналисты, – робко заметила Трифонова. Она стояла около облупившейся стены и выглядела на этой тусовке октябренком, которого курящие комсомольцы взяли постоять на шухере.

– Журналисты. И нам нужно одеваться, – Карманова подергала себя за дорогой кашемировый свитер, – есть, а некоторым еще и пить... – кивнула Марина куда-то в глубь комнаты.

– На себя посмотри, – очнулась темная фигура в дальнем углу курилки, – я хотя и пью, но совесть не пропиваю. А ты за то, чтобы на распродаже в Париже барахла прикупить, готова доносы писать на всех присутствующих. Я, думаешь, не знаю, как ты премию областной администрации за экономическую тематику получила? Ее мне хотели присудить, а эта курва, – Колпаков, а это именно он дремал в углу, направил на Карманову грязный палец, – поплакалась в паре кабинетов администрации на мой характер, наплела не пойми что и получила премию. Тебе что так были нужны эти пять тысяч? Нет. Тебе просто было оскорбительно, что бумажку с печатью вручают не тебе. Дрянь ты! Я ведь тоже много что могу рассказать о твоём творчестве. Ездить за настоящими материалами по райцентрам тебе унижительно. Только и знаешь околачиваться по паркету областных структур. Уж не ты ли там что-то про Тюленева напела? Все мнишь из себя «серого кардинала». Смотри как бы и тебя не съели. Вот Метла, например, она тебе пара...

– Ну ладно, тебе, Коля, – примирительно заметил Суздальцев. Ему, конечно, очень хотелось продолжить пьяные откровения Колпакова, но он видел, что Карманова уже пошла красными пятнами и может сорваться на визг. А бабьих истерик он не любил.

– Алкаш подзаборный, – заорала Карманова, – ты вообще скоро вылетишь отсюда. Да если бы я хотела, тебя бы еще год назад вышвырнули с работы.

Она готова была многое сказать, но случайно взглянула на Метлу. Во взгляде коллеги было столько брезгливого удовлетворения, что Карманова смешалась. Тяжелой поступью пошла к двери, вышла и громко хлопнула дверь. Сверху упал кусок штукатурки.

Трифонова опустила голову и покраснела.

– А правда, что Марина, – кивок в сторону закрытой двери, – писала обличительные письма на всех редакторов нашей газеты?

– Правда, – промурлыкала Женька, – она понимает, что здесь уже достигла потолка. Но назначать ее ответственным секретарем, заместителем или тем более главным редактором ее никто не будет. И от этого бесится. Поэтому главный ее фетиш – деньги. Если она чувствует, что ее зарплата становится хоть на копейку ниже, в этом она видит угрозу своего существования и наносит удар.

– Практически как ты, – опять вставил Колпаков, – работать тоже особо не любишь. Только очки втирать.

– Не всем же быть таким гениальным бессребреником, как ты, – беззлобно парировала Метла и выбросила окурочек в жерло урны.

– Хватит разборочек, – подвела черту Капустина. – Пойдемте работать. У меня еще рекламный текст о наиталантливейшем директоре наиперспективнейшего предприятия не дописан.

Акулы и прочие стервятники пера направились к выходу.

IV

После назначения Ирина осталась одна. Эйфория улеглась и сразу же в голове стали вспыхивать одна за другой мысли о том, как сделать газету интересной, злободневной и при этом удовлетворяющей высшее руководство области.

Она подошла к окну. Осеннее солнце прошло точку зенита и скрылось за соседним зданием. Толпа студентов из колледжа по соседству прошла по направлению к остановке. Люди шли, занятые своими делами, и Ирина почему-то ощутила опустошенность. Она так мечтала об этом назначении, что сейчас казалось, что и мечтать больше не о чем.

Двадцать лет назад Ириной детской мечтой было погибнуть в расцвете лет от пули преступной группировки, которую она разоблачила. Мафиози ждет неотвратимое наказание, но в порыве ярости клан дает последнее задание своим головорезам – убрать журналистку, которая вычислила и раскрыла их преступные махинации. Красивая музыка, быстрая машина, пулеметная очередь. Финал.

Скрябина относилась к тем людям, которые не представляют себя на другом поприще, кроме журналистики. Она заболела профессией в 10-м классе, когда перестройка перевернула вверх тормашками все устои казавшегося незыблемым общества. Активная комсомолка, она в несколько мгновений стала яркой приверженицей перемен. В 1991 году во времена путча Ирина ездила в Москву «поддержать» демократию. Была свидетельницей вооруженных столкновений, видела танки и вернулась домой без увечий и прочих последствий только чудом. Ее первые журналистские работы были яркими и запоминающимися. Очень скоро Ирина получила предложение стать сотрудником бывшей партийной газеты. Ее штат, состоящий из сливок областной журналистики, решили разбавить крепкой заваркой молодых кадров, пусть не умеющих красиво писать, но обладающих огромной работоспособностью, бойким пером и безразличных к устоям, связям и деньгам.

Тогда еще Ирина не была злой, ей просто хотелось быть в эпицентре событий, взорвать болото провинциальной обыденности и принять участие в переменах. В переменах к лучшему.

Идеалисты 90-х, их не пугали ни задержки зарплат, ни пустые прилавки. Молодость компенсировала все неудобства. Казалось, что совсем скоро наступит «светлое будущее» демократического образца. Тиражи газет исчислялись сотнями тысяч. Их читали. Им еще верили, власть их боялась.

В 90-е годы Ирина мало спала и много работала. Одно задание сменялось другим. Писать материалы приходилось ночами. И не было ни капли озлобленности, ни недовольства. «Глаголом жечь сердца людей» казалось самой большой удачей. Рейды с милицией, журналистские расследования, интервью и очерки из заброшенных деревень области. Так работали практически все. Воздух свободы, желание и вера в перемены давали силы не только 20-летним, но и опытным журналистам, которые ранее задыхались в партийно-номенклатурных печатных органах ЦК и райкомов.

Шли годы. Журналисты сами виноваты в том, что сначала им перестали верить, затем перестали бояться, затем упали тиражи. Они заигрались. Посчитали возможным врать не под страхом остаться без профессии, попасть в жернова государственной идеологической мясорубки, оказаться в психушке или тюрьме, а просто так, ради сенсации, чтобы показать свою значимость, чтобы попасть в список обласканных тем или иным денежным мешком. И как только деньги, а не тиражи или доверие читателей стали главными для работников пера, тогда и закончилась журналистика. Да и литература тоже. Желание все большего числа материальных благ, власти стало единственной основой, на которой выросла новая власть. Свобода кончилась. Железный занавес пока не опустили, но стеклянным колпаком уже начали накрывать.

Вроде бы вот солнце, вот простор. Подпрыгнешь, а вверху стеклянный потолок. И вместо ветра перемен – запах гнили и плесени, по-научному компоста – добавки для выращивания ново-старой породы людей.

Спустя годы Ирина уже не только не хотела погибнуть от рук киллеров, но и желание разоблачать различные кланы значительно поубавилось. Тем более что не надо их и разоблачать. Все они известны и работают в тесном сотрудничестве с властными структурами.

Как получилось, что из той плеяды талантливых и бескомпромиссных журналистов 90-х годов верным профессии остались единицы?

Социальный заказ на правдивую информацию закончился в нулевых. Иногда казалось, что если люди узнают истину о тех, кто стоит у власти или ее финансирует, возмущению не будет предела, оно снесет коррупционеров, рвачей и циников с пьедестала. А оказалось, что правда никому не интересна. Вдалбливаемая государственными СМИ установка – «Пусть эти хапуги, совратители, убийцы и извращенцы, но они уже наши. А новые придут, кто знает, что они натворят?» – дала свои вредоносные и живучие, как сорняк, плоды. Вот так выковалась «стабильность». Что осталось делать идеалистам пера?

Правда стала не нужна. Зато возникла потребность в сусальных материалах рекламного характера о компаниях и бизнесменах, написанных и напечатанных за большие деньги. По сути, сами материалы не так и важны. Важнее показать свое лицо, отметить, как собака у столба на просторах медиапространства.

Помыкавшись после рождения ребенка по разным околотворческим работам, Ирина вынуждена была вступить на путь рекламы. Ее журналистская слава быстро забылась, зато все узнали Скрябину как успешного коммерческого директора, рекламщика и копирайтера. Вос-требованная специальность.

Ирина работала в рекламе, PR и на выборах, подвизалась в аппарате единой партии. Там она и увидела оборотную сторону властных структур. Но тяготилась такой работой – хотелось по старой привычке встречаться с людьми, разоблачать несправедливость и наставлять на путь истинный. Ни денег, ни удовольствия от работы Ирина не получала. Только гигантский опыт.

Одна знакомая, хорошо упакованная и умеющая создавать впечатление о собственной гениальности, посоветовала:

– Главное – найти того, к кому можно правильно «прислониться». Несмотря на смазливую внешность и бойкий ум, мы не смогли сделать нормальный выбор в замужестве. Сейчас уже поздно. Поэтому есть только одна возможность – выбрать объект и стать для него лучшим советником, слушателем и помощником. В идеале так залезть в душу, чтобы стать «своим человеком» для всей семьи. Интимные связи тут противопоказаны. Любовницу не знакомят с деловыми партнерами, не принимают в семье и относятся все же пренебрежительно. Откупаются деньгами и подарками. Тут другие отношения. Главное не ошибиться с объектом.

Ирина воспользовалась советом. Стала сопроводителем идей руководителя крупного концерна. Так начался ее карьерный рост. Нарботала связи в сфере бизнеса и околовластных структур, а потом оказалась в редакции губернаторской газеты на открытой специально для нее должности заместителя редактора – руководителя рекламного отдела.

Редактор, пригласивший Ирину, был ее давним знакомым. Когда-то, находясь на партийной работ, она ему помогала с халтуркой. Для него – административного в том момент клерка – эти деньги были очень кстати. И вот после его неожиданного назначения в редакторское кресло настал черед и его ответной любезности. Любезности, которая была давно согласована в коридорах областной администрации.

Скрябина пришла в издание в сложный момент, когда старый губернатор отчаянно цеплялся за власть, готов был идти на сделку с кем угодно. Ирине иногда казалось, что главное его желание – умереть на рабочем месте, тогда его вынесут из главного кабинета области вперед ногами, и он не увидит приемника. Но смерть не являлась, и ему пришлось при внешнем показ-

ном спокойствии делать огромное количество поступков, которые не помогали ему и причинили массу неприятностей ближайшему преданному окружению. В один момент с помощью огромных денег и беспрецедентной комбинации в кремлевской администрации была достигнута договоренность, что губернатора на посту сменит его близкий, преданный человек. Молодой, перспективный и, как ни странно в наших реалиях, порядочный. А значит, передел собственности и перетряхивание кадров области грозить не будут, да и сам губернатор может не бояться преследования по «вновь открывшимся» обстоятельствам. Но губернатор не хотел видеть на своем месте никого, кроме себя, и пытался до последнего изменить ситуацию в свою пользу. В результате уже готовый приказ о новом назначенце был уничтожен и область отдана Алевтине Медведевой. Тем более ее давно было надо убирать из Москвы. Слишком активна и чересчур преданна. Истово преданные веры не внушают. В тюрьму ей было рано, в психушку сейчас не принято, значит, подальше с глаз.

Для области назначение Медведевой стало началом большого передела власти и бизнеса.

Покровитель Скрябиной быстро попал в опалу. Слишком большой кусок власти и денежных контрактов был у него под контролем, чтобы назначенной Медведевой он мог понравиться. Начались обличения, суды, обыски. Ирина была готова встать на сторону патрона, но он сам ее и предостерег – ценил ее преданность, но понимал, что если на его стороне деньги и отличные юристы, то Ирину «пережуют» в несколько мгновений. пожалел ее. И поэтому, когда к Ирине поступило предложение поучаствовать в разработке избирательной кампании Алевтины Медведевой, она немного засомневалась, но быстро согласилась. Тем более что работу ей предложили не очень «грязную» – писать хвалебные оды и благодарственные письма от трудящихся. Тошнотворно, но терпимо. Если очень противно, можно в качестве компенсации по магазинам походить. Некоторым помогает. А у Ирины была своя идея-фикс: выучить сына и отправить его за границу продолжать обучение. Хороших инженеров везде не хватает. Главное – туда попасть, а там можно и зацепиться.

От всех этих мыслей Ирину отвлек шорох за дверью, потом дверь отворилась, и вошел Высоков с большим пакетом.

V

Ирина знала Высокова еще с 90-х годов. Скрябина тогда только пришла работать корреспондентом в бывшую партийную газету, а Алексей трудился этажом выше в когда-то комсомольском издании. Журналисты держались вместе, разные взгляды не делали их врагами, а давали повод для дискуссий. Добавим к этому голубую гадость под гордым названием «Блю Карасао» или темную густую жидкость с запахом вишневых косточек «Амаретто», разбавим их спиртом «Рояль» из ближайшего ларька и получим представление о том, как весело и непринужденно было на тамошних посиделках. Все знали друг о друге всё. Позже большинство прочно «забудет» то свободное время и, обзаведясь красивой записью в трудовой книжке, будет строить из себя государственников и консерваторов. Но это потом. А тогда все находилось в приподнятом настроении не только от «паленого» спирта, но и от надежды жить в своей, но другой стране.

Ирина и Алексей не были вместе, но и не были порознь. Они были друзьями в классическом понимании этого слова. После разных вечеринок уходили вместе. Ирина с готовностью делилась с Высоковым темами и полученными от своих источников фактами, нужными Алексею для работы. Лешка правил самые важные Иринины материалы, когда она сомневалась в расстановке акцентов, всегда помогал с постоянными переездами по съемным квартирам, выручал деньгами, а когда она болела, приносил продукты и готовил еду. Они даже отпуск однажды провели вместе. Хорошо провели: смешно и непринужденно. И когда друзья в Уфе или Омске стелили им на ночь общую постель, те устало от бесконечных повторений говорили:

– Мы друзья. Путешествуем вместе, а не спим.

Все это было как-то естественно и не обязывающее на что-то дальнейшее. Во всяком случае, Ирина не помышляла о совместной жизни с Высоковым. Может, не видела в нем отца и мужа в классическом понимании, а может, не представляла, что пусть даже из очень хорошего журналиста и классного парня вырастет суперуспешный бизнесмен. Кто из девочек не мечтает о принце с дворцом со всеми удобствами, конем в 1000 лошадиных сил и короной с бриллиантами. А Лешка на принца не очень тянул. Высокий, худой и весь какой-то нескладный. Он не хотел много денег, много читал и быстрой езде предпочитал тихую ночь в палатке. И когда Ирина стала подумывать, как бы сменить журналистику на более прибыльное дело, стала меньше появляться на журналистских тусовках, их и так не совсем ясные отношения стали совсем формальными.

Затем Ирина стремительно вышла замуж. Не за принца, но за того, который очень рассчитывал заработать и на дворец, и на коня с бриллиантами, взмахивая полосатой палочкой. Потом мужа перевели в другой город, и Скрябина поехала за ним. Только все заработанное за пределами родного города недопринц стал тратить не на дворец, а на молодых нимф да на горячительные напитки. Ирина боролась, а потом устала, собралась разводиться, но не успела. Пьяный муж врезался на машине в дерево. Так Скрябина с маленьким сыном оказалась вновь в родном городе.

Столкнулась она с Высоковым после десятилетней разлуки в фойе областной администрации, когда уже работала заместителем Тюленева в «Губернаторских вестях». Алексей практически не изменился, только глаза уставшего человека выдавали возраст.

– Привет, а ты что тут делаешь? – прошептала Ирина, мысленно окинув себя взглядом и с неудовольствием отметив, что лично на ее фигуре и лице время оставило гораздо больше отпечатков.

Для Высокова встреча со Скрябиной, казалось, не была неожиданностью.

– Звездишь, как всегда, – добродушно улыбнулся Алексей.

– В каком смысле, – деланно возмутилась Ирина.

– В том, что любишь ошиваться в коридорах власти.

– Да, как ни стараюсь из них выйти, опять затягивает. Но я теперь здесь исключительно с коммерческой миссией. Тружусь-верчусь, чтобы «Вести» имели лишнюю копеечку. Сам-то где, как?

– Нормально, подвигаюсь на региональном новостном портале. Работа не пыльная.

– А с деньгами как?

– Для тебя это было всегда важным вопросом. Нормально. Вопрос не сколько получать, а сколько тратить.

Ирина решила было обидеться. Она никогда не считала себя помешанной на деньгах. Она их любила, это так. Но для нее они были лишь средством для интересного путешествия, новой бабьей тряпочкой, подарков родителям и сыну. Она не умела копить, тратила деньги на ерунду, и поэтому страх остаться без средств всегда довлел над Ириной. Но злости на Высокова не было. Он всегда говорил то, что думал. Иногда это производило неприятное впечатление, но все знали: Лешка ни на кого зла не держит, просто с тем, что ныне принято называть дипломатией, ему не по пути.

– Слушай, а может, тебе к нам податься. Я знаю, сейчас будет освобождаться одна вакансия ведущего обозревателя, почему бы тебе ее не занять.

– Съели кого-то?

– Нет. Светка Филонова уходит в городскую администрацию, в пресс-службу. Видать, не зря на всех городских пресс-конференциях изображала лояльность и профессионализм. А сейчас выборы близятся. Вот ее и берут повышать рейтинг партии.

– Если Пашка будет не против, можно подумать.

– Приходи. Мне так хочется, чтобы ты разбавил тамошний серпентарий единомышленников. Уровень у всех средний, а гонору на спецкоров «Коммерсанта».

Ирина положила руку на плечо Алексея. Высоков в 90-е обличал и проводил журналистские расследования, затем, когда этот жанр превратился в пародию, Алексей занялся очерками об интересных людях. Среди них были, конечно, и бизнесмены, но они были в меньшинстве среди стариков из глухих деревень, работников сельских школ и детских садов, сумасшедших изобретателей и непризнанных художников. Его некоммерческие материалы терпели, потому что кому-то надо было создавать иллюзию значимости каждого человека. К тому же они были профессионально и интересно написаны.

После того разговора Высоков переговорил с Тюленевым и пришел на работу в «Вести». Он мог писать на разные темы, но и здесь предпочитал работать над материалами об неординарных людях. Такая приверженность понравилась Тюленеву, и вскоре Высоков стал заниматься выпуском еженедельного приложения к газете, заимев при этом двух заклятых врагов – Карманову и Метелину, которые заполняли таблоид дайджестами из других газет, советами хозяйкам, материалами о новых фильмах, списанными из Сети, и настаивали на повышенных гонорарах за весь этот мусор. Высоков сразу же отказался от подобных услуг, и Метла с Маринкой затаили на него нешуточную обиду.

Другим недоброжелателем Высокова стал Касаткин. Главный разоблачитель по заказу. Если надо было на кого-то открыть травлю – звали Гену Касаткина, вручали ему исходные данные и отдавали приказ. Через неделю заказчик мог прочитать гневный материал, разоблачавший обнаглевшего коррупционера, зарвавшегося руководителя или преступно непрофессиональную команду. После внесения правок заказчика, материал печатался в «Губернаторских вестях», а иногда и в других газетах. У «коррупционеров» захватывали бизнес, на место «зарвавшегося» руководителя сажали своего человечка, «преступно непрофессиональная команда» лишалась законного крупного контракта, а Гена получал повышенный гонорар.

рар и славу «острого пера». На официальных журналистских конкурсах он всегда побеждал в номинации журналистских расследований. Ему жали руку, говорили о гражданском долге и ставили в пример. Касаткин улыбался, потом пересчитывал деньги и шел к своим людям покупать траву или кокс. О последнем знали очень немногие. Но это было закономерным итогом постоянного копания в грязи не ради справедливости, а исключительно из-за наживы. Никто не сомневался, что Гена в одной и той же истории готов был разоблачать одновременно как одну, так и другую сторону конфликта, если бы эти стороны противостояния хорошо платили и существовали независимые друг от друга площадки, где размещать сливы. Больше всего Гена не любил тех, кто сомневается в его профессионализме и презирает, потому что внутри все равно комплексовал из-за своей роли презерватива. А Высоков не только не скрывал своей брезгливости, никогда с ним не здоровался, но и однажды публично ударил по лицу, когда стало известно о самоубийстве одного из Гениных «разоблаченных».

Однако, пока Высоков не давал Касаткину и Ко повода для гневных писем и открытых нападок. И они нетерпеливо ждали момента растерзать своего обидчика. Тюленев и Скрябина это знали, были на стороне Высокова и не давали перейти конфликту в активную фазу. После отставки Тюленева трио заклятых друзей сразу же стали убеждать Евгения Суздальцева, ставшего исполняющим обязанности главного редактора, отстранить Высокова от выпуска таблоида. Но Суздальцев – матерый аппаратчик – на скоропалительные шаги не пошел. Около месяца, пока команда губернатора выбирала себе нового подчиненного, Евгений вел издание, не делая никаких резких движений и не побуждая журналистов к громким материалам. Надо было пересидеть. И он пересидел это сложное время. Больше всего в жизни Суздальцев не любил принимать решения и отвечать за чужие поступки, поэтому возглавлять газету для него было хоть и почетной, но повинностью, и он с радостью принял назначение нового главного редактора.

Высоков с симпатией относился к Тюленеву и искренне переживал, когда узнал о его увольнении. Назначение Скрябиной он воспринял очень спокойно. Никогда нельзя было понять о его отношении и настроении. Всегда и со всеми доброжелательный, чуть медлительный и немного снисходительный.

После его прихода в «Вести» Высоков и Скрябина часто встречались на работе. Ирине было приятно его видеть. Она знала, что он никогда не предаст и всегда протянет руку помощи, даже если это навредит ему самому. Но на официальное представление почему-то не пришел.

– Привет! Что голова кругом идет от радости?

Высоков вошел в кабинет и, открыв пакет, достал из него большую коробку конфет и вручил Скрябиной.

– Начальнику цветы дарить не положено, так что вместо букета держи шоколад. Мне кажется, он тебе очень скоро понадобится. Уж очень за противное дело ты взялась.

Алексей выдвинул стул и удобно уселся.

Ирина молча открыла коробку, достала конфету и только после этого спросила:

– А почему ты так думаешь?

– Ты паразитный человек, Скреба. Совсем недавно мы с тобой обсуждали, что происходит что-то совсем непонятное. Мы говорили о сходности ситуаций в российской истории и похожей лексике многих лиц, находящихся у кормила власти. Да много о чем мы говорили, а сегодня ты не понимаешь, о чем я говорю. Ирка, а ты уверена, что сможешь ежедневно ломать себя?

– Я и не собираюсь себя очень ломать. Постараюсь сделать газету не только официальным вестником, но и интересным изданием. К счастью, ты здесь есть, Света Капустина, Полухин, Трифонова. Они живые и настоящие. А Метлу, Касаткина и Карманову можно очень легко нейтрализовать.

– Ошибаешься. Сейчас приходит их время, и, возможно, они тебя нейтрализуют гораздо быстрее. Ирка, никакое бабло не стоит того, чтобы, когда подходишь к зеркалу, хотелось в него плюнуть.

– Ерунда это все, – Ирина махнула рукой и подошла к окну.

В стекло билась большая муха. То она спокойно ползла по стеклу, то с недовольным жужжанием пыталась его пробить. Скрыбина вынула платок, долго примеривалась, схватила муху платком и выбросила в открытое окно. В комнату ворвался запах осени. Ирина открыла створку пошире. На улице по-прежнему светило солнце, но где-то на горизонте показались облака.

Высоков молча сидел, погруженный в свои мысли. Ирина сосредоточенно рассматривала небо, потом, не оборачиваясь, сказала вполголоса:

– Лешка, я не могла упустить такой шанс. Но пока не знаю, что из этого выйдет. Но ведь в любые времена люди ухитрялись оставаться порядочными людьми. Сохранять достоинство. Почему ты думаешь, что мне не удастся?

– Ты выбрала работу на передовой. Тут надо или очень верить, или быть закоренелым циником. Не уверен, что ты относишься к первым или вторым. Но ведь ты всегда сможешь уйти. Верь хотя бы в это.

– Только ты никуда не уходи. Я очень тебя прошу.

Ирина обернулась, и в ее взгляде промелькнуло выражение доверчивости и некоторого страха, которое было у нее двадцать лет назад, когда она пришла в профессиональную журналистику и столкнулась с Высоковым в коридоре Дома прессы.

Высоков медленно встал и улыбнулся:

– Здесь я, здесь, – и пошел к выходу.

VI

После официального вступления Алевтины Медведевой в должность губернатора Тюленева вызвали и попросили написать заявление об увольнении по собственному желанию. Это было, безусловно, очень обидно, но то обстоятельство, что по трудовому контракту Павел должен был получить шестимесячный заработок в весьма крупном размере скрашивало расставание с теплым, пусть и хлопотным местом.

Его стремительный взлет по карьерной лестнице и такое же стремительное падение оставило ощущение не были, а какого-то сна. Который был приятен, местами кошмарен, но утро прогнало его и ты встаешь таким же, как и уснул.

За месяц деньги кончились. Ремонт, виски, друзья. И теперь Павел думал, куда бы устроиться на работу. За время редакторства он сумел ни с кем не посориться и теперь, не без основания, прикидывал, что журналистская среда сможет принять его обратно. Выкручиваться, постоянно работать под давлением было хотя и выгодно, но очень хлопотно и нервно.

Лежа на продавленном диване, Тюленев вспоминал другое прошлое, как, бросив учительствовать в школе, он и его друзья по институту оказались на телевидении в начале нулевых. Никого не боялись, кичились своей принципиальностью и по праву считались самой независимой компанией в регионе. Они никому не верили на слово, перепроверяли каждый факт и без пиетета относились ко всяким местным вождям.

В эйфории от собственной гениальности они творили года три. Затем собственнику телекомпании стали названивать не только с тем, чтобы он повлиял на борзых журналистов, но и с тем, чтобы предупредить о проблемах с налоговой инспекцией, прокуратурой, роспотреб и пожарнадзорами. Да мало ли проверяющих структур в России. А он, рядовой бизнесмен, которому просто нравилось владеть ресурсом, который так узнаваем и популярен. Да и с коммерческой точки зрения удачен. Рекламодатели дрались за право разместить свои видеоролики на телеканале.

Но никакие рекламные поступления не смогут окупить аппетиты проверяющих органов. И поэтому, когда человек от партии предложил продать телекомпанию, то бизнесмен назначил очень хорошую цену. В три раза превышающую реальную стоимость. А партийцы немного подумали и согласились. Так популярная телекомпания сменила владельца, а с ним и установки на работу. Жить под диктовку «золотая команда» не захотела. Рассосалась по разным изданиям, кто-то занялся совсем не журналистской деятельностью, кто-то подался в столицу.

Тюленев все эти изменения наблюдал уже издали, из кресла госслужащего. Однажды в зените телевизионной карьеры ему предложили работу в законодательном органе области. Пресс-пешкой, конечно, но стабильно оплачиваемой. Менять свободное творчество на хлеб с ладони вчерашних оппонентов не хотелось. Но жена ела поедом. Ей хотелось «нормального» статуса мужа. И Павел согласился работать на власть. Но отношений с бывшими коллегами не разорвал и участвовал во всех их междусобойчиках. Даже после стремительного взлета в карьере со стула клерка пресс-службы в кресло главного редактора областной газеты. И вот сейчас он больше всего хотел быть со своей «золотой командой». Но где?

Павел, не торопясь, надел разношенные кроссовки, накинул куртку и направился к рюмочной за углом. Теперь он мог себе позволить забыть про официальный костюм, модельную обувь и прочий дресс-код. Если бы кроссовки могли говорить, они бы сказали тюленевским ногам в носках с дырочкой на большом пальце: «Добро пожаловать домой! Загостились уже».

Тюленев вошел в полутемное помещение и сразу же увидел компанию дяди Миши из соседнего подъезда.

– Павлуха, иди к нам! У нас все есть. Расскажи, как губернаторша три раза ремонт у себя делала да пьяная в коридоре падала.

Но в этот раз столь интересный рассказ не успел порадовать тусовку дяди Миши. У Тюленева зазвонил телефон.

– Павлуха, отмокаешь еще? – раздался голос Андрея Соколова, адепта «золотой команды» бывших телевизионщиков.

– Да нет уже. А что случилось?

– Приезжай ко мне сегодня. Есть о чем поговорить.

Спустя час Тюленев уже потягивал пиво у Андрея дома. Рядом расположились еще пятеро человек из их прежней команды. После обычных воспоминаний Андрей обратился к Павлу.

– Мы тут решили вернуть былую славу. Создать свое телевидение. Как ты на это смотришь?

– Честно, я смотрю на это просто охренительно. Только кто же нашелся такой богатенький и бесстрашненький?

– Никто. Мы сами создадим телевидение в сети Интернет. Вон Серж связался с компанией, они нам сделают супер-пуперский медиапортал за приемлемые деньги.

– А откуда мы возьмем «приемлемые» деньги?

– Скинемся, брат. Вложим свои кровные и будем сами себе хозяевами, – вступил в разговор голубоглазый атлет Сергей Царев, бабник, шутник и монтажер высочайшего класса.

– Но еще надо сделать телевидение популярным. Да и кто деньги будет платить за работу?

– Сами, сами, чудрило! Неужели ты не понимаешь, что у нас появился шанс заниматься любимым делом и самим определять всю подачу, – стукнул Павла по плечу Царев.

Тюленеву еще хотелось возражать, но энтузиазм коллег уже проник в него, захватил все мысли и чувства. Опасностей много, но желание работать на себя и говорить о том, о чем считаешь нужным, перевесило любые страхи. И он подключился к разговору пьяных от идей и возможности их осуществления старых-новых коллег.

Около одиннадцати вечера компания стала разбредаться. И Тюленева теперь беспокоила одна мысль: где взять деньги? Он не смог сказать друзьям, что миллионное выходное пособие растаяло полностью. Значит, нужно было подключать состоятельных и состоявшихся друзей. Павел достал телефон и позвонил бывшему однокурснику, а ныне руководителю крупного холдинга Петру Колосову.

– Петруха, привет! Как дела? Что нового? Что, сразу к делу? Мне надо полмульта на полгода. Да тут задумали одно дело, связанное с телевидением. Да, завтра смогу подойти. Пока.

Тюленев задумчиво закурил. Конечно, он не ждал радушия от человека, у которого постоянно просишь денег. Но тут еще примешивалось опасение, что придется рассказать об идее телевидения. Его предупредили, пока держать язык за зубами. А он вот не может сдержаться. С другой стороны, Петруха свой – он не сдаст. К такому выводу пришел Тюленев, подходя к дому.

VII

Вечером Ирина стремилась и одновременно не торопилась уходить с работы. С одной стороны очень хотелось все рассказать сыну, поделиться с Данилой радостью назначения и реакцией окружающих на него. А с другой, она боялась упустить хоть на мгновение полный контроль над изданием, потерять управляемость механизма, который очутился у нее в руках. Поэтому вышла она из редакции только тогда, когда уехали последние верстальщики, были отсмотрены все полосы, и типография поставила газету в печать.

На улице уже зажигались фонари. Небо на западе отливало сиреневым цветом. Ирина поежилась, становилось прохладно. Как она любила это время, когда воздух особенно прозрачен, деревья еще не сбросили листья, а запах земли, пожухлой травы, увядающих листьев кружит голову. В такие дни хочется бродить по лесу, или смотреть с высоты на вспаханные поля, или сидеть на лавочке в парке и не думать о том, что, по сути, совершенно неважно. Через двадцать лет, даже гораздо раньше, никто не вспомнит о газете «Губернаторские вести», Алевтине Медведевой и всей истории, которая сейчас кажется Ирине судьбоносной и главной.

Данила с кем-то переписывался в соцсетях, но, увидев мать, сразу закрыл компьютер.

– Привет, ты теперь всегда так поздно будешь приходить?

– А ты что не спишь? Думаю, нет. Просто первый день хотелось уйти последней. А у тебя как дела в школе? Смотри, одиннадцатый класс нельзя пустить на самотек.

Ирина повесила плащ и внимательно стала смотреть на себя в зеркало.

– Успокойся, не пускаю я. Только зря ты меня пойти на физико-математическое направление уговорила. Скучно это. Лучше было пойти на гуманитария, а потом на истфак.

Данила облокотился о косяк двери в свою комнату и пристально посмотрел на мать.

– Ну, и кому нужен твой истфак? – Ирина стала раздражаться и посмотрела на сына. – И давай рассуждать здраво. Учитель истории, а именно их готовит наш вуз, слишком узко и не очень востребовано на рынке труда, а инженерная специальность сейчас в фаворе. Таким специалистам открыты дороги, что здесь, что за границей.

– Опять ты про за границу. Поразительный ты человек, мама, пишешь про то, что Россия – самая великая и могучая, а стараешься спихнуть меня туда, где, по твоему официальному мнению, не очень-то и хорошо.

Данила вернулся на диван и открыл компьютер. Ирина посмотрела на насупившегося сына и улыбнулась.

– Знаешь, я очень устала. Поэтому давай поругаемся завтра. А про официальное мнение я тебе так скажу, что у меня нет такого количества финансовых возможностей, чтобы говорить то, что я думаю. Мне надо тебя вырастить. Извини, ты родился не от потомка Ротшильда. Поэтому рассчитывать надо только на себя. Теперь давай спать.

Ирина прошла в комнату, наклонилась, поцеловала сына и взъерошила ему волосы.

Ей всегда хотелось обнять сына, поговорить о жизни, а не выполнять роль надсмотрщика и вечного воспитателя, но она не позволяла себе быть всегда доброй и всепрощающей. «Вырастить мужчину можно только если проявлять жесткость и требовательность», – сказал когда-то Ирине отец. Иногда она сомневалась в этой заученной фразе, но желание вложить в сына все возможности, которые ей в свое время были недоступны, требовало железного характера.

– Я очень хочу, чтобы у тебя все удалось. Я тебя очень люблю.

– Мама, а ты думаешь, что сейчас нельзя оставаться самим собой? – Данила поднял глаза от экрана.

– Не знаю. В моей среде, наверное, нет. А ты, к счастью, очень далек от всех этих ненужных знаний. Не порти глаза. Ложись пораньше.

Скрябина пошла в ванную.

Стоя под теплым потоком воды, Ирина вновь почувствовала опустошенность. Или разочарование? Было такое чувство, что она долго забиралась на гору, надеясь, что с вершины будет отличный вид: небо, море, зелень. А вдруг оказалось, что взбиралась она на мусорную гору. И кругом, куда ни кинь глаз, – свалка: летают черные птицы и пахнет человеческими отходами.

VIII

На первое в своей новой должности еженедельное совещание в областной администрации Ирина шла с опаской. Она целый день посвятила выбору одежды, так как считала, что с помощью нее можно как приблизить к себе человека, так и оттолкнуть. Надо было одеться не вычурно, но стильно. И когда уже определилась с гардеробом, вспомнила рассказы, что губернатор хотя и не молодая, смахивающая на профсоюзную активистку из фильма «Служебный роман», но женщина, и она не терпит, чтобы кто-то выделялся на ее фоне. Поэтому окончательный выбор костюма был предельно консервативен – черно-белая классика.

На подходе к администрации Ирина встретилась со своими старыми знакомыми: председателем телерадиокомпании и главным редактором областного медиапортала. Тонкий и толстый. Элегантный с дорогим шейным платком Вишневский и постоянно помятый Вахрушев поднялись из простых журналистов в 90-е годы до госфункционеров в нулевых. Понадобилось всего ничего: предать пару человек, переступить через парочку друзей и отказаться от прежних занятий и взглядов.

Известный «дамский угодник» и аристократ Вишневский склонился к руке Скрыбиной.

– Очень рад. Очень рад. Думаю, Ирочка, ты станешь хорошим дополнением к команде Алевтины Георгиевны.

А потом, понизив голос, добавил:

– Только принципиальность свою подальше засунь.

– Это почему же, Андрюшечка? Не хочешь ли ты сказать, что работать на этом поприще могут только беспринципные, циничные личности? – парировала Ирина с улыбкой.

– Андрей Николаевич шутит, – вступил в разговор Вахрушев. – Просто он хочет тебе, Скреба, напомнить, чтобы ты позабыла свои журналистские замашки с поиском истины и истоков. Ты теперь функционер, этим и должна заниматься. И много в кабинете не болтай, – добавил он вполголоса.

Ирина улыбнулась, а потом в голове промелькнула невероятная мысль. Скрыбина остановилась. Конечно, она слышала про прослушки и прочие шпионские штучки, но не предавала им значение. Придя в 90-е в бывшую партийную газету, она узнала, что особые телефоны, стоящие в каждом кабинете, выполняют не только роль срочной связи с редактором или другими отделами. Они позволяют главному редактору при желании слушать любые разговоры в кабинетах. Но прошло столько времени, неужели все оборудование привели в порядок для нового начальства?

– Сережа, ты меня что, разыгрываешь? – Ирина с испугом посмотрела на главреда медиапортала.

– Ира, я мог бы промолчать, но слишком частая смена редакторов в областной газете не нравится даже такому пофигисту, как я. Обуздай язык. Он у тебя непропорционально длинный. И Высокову скажи.

– И как же нас слушают?

Вишневский внезапно быстро пошел вперед, а Вахрушев ответил.

– У тебя стоит так называемая «тройка», аппарат для связи с руководством области? Не демонтировали? Ну вот через него. Говорят, прошлый губернатор разведывательные моменты забросил, не любил расстраиваться, не хотел еще и через прослушку узнавать о своих новых врагах, их и так было достаточно. А нынешняя хозяйка области первым делом приказала наладить связь и ее тайный функционал. Как уж слушают, я не знаю. Может, все записывают и при необходимости прослушивают, может, срабатывает запись на какие-то кодовые слова – врать не буду. Только я перед выборами из-за этого одного ценного сотрудника потерял. Ему было поручено из поездки Медведевой репортаж сделать. Положительный, конечно. А он при-

шел, дурачок, и мне начал свое мнение высказывать про нашу назначенку и про показуху, про то, что он реально видел. А через день мне настоятельно порекомендовали от него избавиться.

– Так, может, он еще кому-то про это рассказал. По пьяному делу.

– Вообще-то он не пьет. И клялся, что рассказал только мне. Да и вообще это только один эпизод.

– Сережа, а зачем ты мне это все рассказал? Вон Вишневский как вперед побежал. Он бы и слова по этому поводу не промолвил.

– Надоело мне все. Тебе это в диковинку. А мне поперек горла стоит.

– Что-то рано. Медведева только недавно официально вступила в должность.

– Это не при ней началось. Она такой же винтик, как и все мы. Просто большего размера. Три года назад я даже представить себе не мог, что буду участвовать в подобных делах. Иногда мне начинает казаться, что я не только их самих вылизываю, но и туалеты после них.

– Ну, у тебя и сравнение.

– Посмотрю я на тебя через месяцок. Ты больше меня всегда за правду боролась. Сможешь ли себя сломать?

Ирина пропустила вопрос мимо ушей. Они никогда не были с Вахрушевым так откровенны. Что это? Может, провокация? Ирина посмотрела на Сергея.

– Устал, уходить, что ли, собрался?

– Да. Ты же знаешь, у меня сын работает в Киеве. Хочу туда податься.

– А как же национализм и прочее?

– Я тебе советую выпускать газеты, а не читать их, особенно вместо умных книжек.

Сергей открыл перед Скрябиной тяжелую дверь в областную администрацию и через два блокпоста полиции – нововведение демократичной Медведевой – они поспешили на планерку.

IX

Ирина вернулась в редакцию к полудню.

– Когда планерку созывать? – подняла голову от бумаг, заваливший ее стол, секретарша Светочка.

– Давай через пятнадцать минут. Только кофе выпью, – ответила Скрыбина, торопясь в свой кабинет.

Когда она переступила порог, то интуитивно посмотрела на телефон спецсвязи, задвинутый Тюленевым в самый угол. Она не хотела верить в теорию заговора, озвученную Вахрушевым, но понимала, что жить по-прежнему было бы крайне неразумно.

В дверном проеме появилась голова Светочки.

– А из рекламщиков кого звать?

– Пусть приходит Красильникова.

Светочка удивленно посмотрела на Скрыбину и скрылась за дверью. С Ольгой Красильниковой Скрыбина не жила душа в душу. Но Ирина всегда профессионализм ставила выше человеческих качеств, а в Красильниковой его было достаточно. Конечно, была опасность, что она существенно изменит сложившийся уклад в рекламном отделе, перетряхнет базу контактов в свою сторону, но подумать, как это минимизировать, Ирина решила позже. Политическая составляющая ее работы вышла на первый план.

Стали подходить руководители отделов. Пришли все. Каждый хотел воочию посмотреть на поведение новопредставленного редактора.

– Ну что, коллеги, – улыбнулась Ирина, – теперь нам с вами предстоит дружно и весело работать над информационным обеспечением деятельности администрации нашей области. Всех я очень рада видеть, а кто не рад видеть меня, то я сочувствую, но это ничего не меняет.

Скрыбина краем глаза заметила, как втянула в себя воздух Метелина.

– Итак, среди мероприятий областного масштаба нам надо осветить следующие...

Ирина уже раньше решила, что вначале не будет никаких резких перемен и перестановок. Можно многое изменить и по-новому наладить жизнь редакции постепенно. Шаг за шагом, по чуть-чуть. Ее амбиции по назначению на одну из важнейших должностей области были удовлетворены. Но нет предела человеческим желаниям. Теперь Ирина ставила перед собой цель – переформатировать официальную газету в популярное издание с большим тиражом, влиянием и известностью на федеральном уровне. Для этого придется многих сломать, а от балласта избавиться. Никаких обид и мстительности, только бизнес.

Итак, на освещении всяких официальных материалов пока останется Карманова и Метелина. Высоков, Полухин и Капустина делают самые важные материалы с точки зрения популярности и повышения тиража. Касаткин и Колпаков обрабатывают заказы. Трифонова и другие берут социалку, спорт и молодежь. Мясо с мест поставляют спецкоры. Вот такой расклад.

– Что у нас главного на первой полосе? – Скрыбина посмотрела на Суздальцева.

Тот, не торопясь, развернул распечатанные полосы завтрашней газеты.

– На первой рейд губернатора в район, Марина только что сдала материал. На второй пресс-конференция директора департамента по бизнесу – написала Метелина. А вот что ставить на третью? Есть вариант разместить интервью с главным налоговиком.

– Давай налоговика потом поставим. У нас где-то был материал Капустиной о том, что учителя в деревне Бабойка делают для спасения школы. Вот его и разместим. А что, мы завтра без рекламы, Ольга Ивановна? – обратилась Скрыбина к Красильниковой. – Без рекламы мы никуда. Все знают, что финансирование газеты далеко от достаточного, нам всем придется прилагать усилия к собственной выживаемости. Пример тому – Марина Александровна Карманова: и материалы пишет, и от рекламы не отказывается.

– Конечно, – зарделась Карманова, – мы же все в одной лодке. Должны совместно трудиться.

– Особенно если тебе за это платят процент от рекламы и повышенный гонорар, – тихо, так чтобы никто не слышал, пробубнил Суздальцев. Даже его ангельскому терпению иногда приходил конец.

Планерка завершилась без происшествий. Скрыбина подошла к секретарскому столу.

– Светочка, попроси зайти ко мне Колпакова.

После планерки в администрации Рыльская пригласила Ирину к себе. Еще раз дав понять, что назначение Скрыбиной это и ее, Татьяны Рыльской, победа, патронесса затронула вопрос некоторых компаний, на которые не мешает посмотреть журналистским, а не рекламным взглядом.

Скрыбина сразу поняла, что за журналистский взгляд имеет в виду Рыльская. Надо найти компромат, поговорить с обиженными и подать все с точки зрения просчетов руководства. Зачем – тоже понятно. Передел собственности начался уже давно, а сейчас после выборов он примет еще большие масштабы. Но Ирина не ожидала, что ее начнут использовать так быстро и прямолинейно. И неизвестно, будут ли прикрывать, если обличаемые выступят против подобных журналистских материалов. Это было крайне неприятно. Да еще Вахрушев со своими откровениями.

Вошел Колпаков. Ирина именно на нем остановила сейчас свой выбор, потому что тяжелую артиллерию в виде Касаткина привлекать было еще рано – до конца не ясны позиции. А Коля Колпаков сделает все изящнее, без чрезмерных оскорблений.

Скрыбина сидела в редакторском кресле и сделала приглашающий жест на кресло напротив своего стола.

– Коля, ты чем сейчас занимаешься?

– Твои рекламные девки несколько материалов попросили написать. Вот и тружусь. Но я уже почти закончил. Что, задание есть? – Колпаков ввинтил зад в кресло и сложил руки на животе.

– Есть. А как ты к тепличному комбинату относишься?

– Наши пути не пересекались. А что надо сделать?

– Давай ты посмотришь пристрастным взглядом, как живет одно из последних муниципальных предприятий. Может, хорошо живет, а может, и не очень.

Ирина начала внимательно разглядывать бумаги на своем столе, перекладывать их с места на место. Пауза затянулась. Затем Скрыбина подняла глаза на Колпакова.

– Порасспрашивай уволенных и уволившихся, разузнай о прибыли компании и как она тратится. Да что тебя учить, только портить, – Ирина рассмеялась, увидев, как Николай выпрямился и даже зарделся от желания оправдать доверие.

– Я только рад все пораскапывать. А почему Генка в стороне? Чернуха – это вроде бы его нива, – стараясь дышать через раз, проговорил Колпаков.

– Здесь нужен изящный подход. И никакая это не чернуха. Так берешься?

Колпаков не мог говорить от распирающих его чувств.

– Конечно. Ира, все будет в лучшем виде. А то я уж стал думать, что настоящие профессионалы и не нужны вовсе. Все сделаю. Не сомневайся.

– Вот и хорошо. За гонорар не беспокойся. Будет по высшему разряду. Только чтобы все аргументированно и профессионально. Срок тебе десять дней. Обо всем рассказывай. Не утаивай.

– Ирина Петровна, – развел Колпаков руками, – для вас все что угодно. Все, пошел работать.

Николай быстро поднялся и, гордо подняв голову, вышел за дверь, но потом опять открыл ее и, вскинув кулак, проорал: «Но пасаран!». Затем дверь закрылась.

Ирина вышла на балкон. Почему-то захотелось курить, хотя к сигаретам она последний раз прикасалась лет пятнадцать назад. Она пошла к редакторскому столу и перерыла все ящики стола, затем обшарила шкаф в комнате отдыха. Неужели Тюленев случайно не оставил хотя бы пачки?

Скрябина знала руководителя «Овощевода». Не лично, но от людей, мнению которых доверяла. Иван Леонидович Двинский был из породы старых директоров. Очень старых. Которые не воровали сами и не поощряли других. Он был в хороших отношениях с прежним губернатором и всегда мог выйти с предложением акционировать предприятие, забрав лично себе контрольный пакет. Ему это несколько раз предлагали. Но он считал, что и при нынешних условиях может сохранить предприятие развитым и преуспевающим. Сохранил. И вот теперь кто-то другой в скором времени займет его место. Ирина не сомневалась, что так и будет. Газетная публикация – только часть плана захвата предприятия. Потом пойдут проверки одна за другой, и через несколько месяцев в кресле директора будет сидеть совсем другой человек.

И это только начало работы, с тоской подумала Ирина.

Х

Павел Тюленев знал Петра Колосова с детского сада. Они учились в одной школе, затем в одном институте. Колосов собирался стать преподавателем английского. Вернее, по такой специальности он обучался. Все вместе гуляли, пили, дрались и убегали от милиционеров. Затем Петра все реже можно было увидеть в институтской компании. Поговаривали, что знание иностранных языков помогло ему стать полезным неким криминальным структурам, которые в эпоху перестройки занимались поставкой оружия за границу нашей славной родины. Спустя некоторое время столь опасный бизнес отошел на задний план. Петр обзавелся сначала сетью автосалонов, потом гостиниц, а позже и коммерческой недвижимостью в самом центре города. Но знакомством с Тюленевым не чурался. Павел думал, что из-за дружеских чувств, но Колосов назвал бы эти отношения иначе.

Тюленев всегда был для Колосова полезным источником информации, что немаловажно в бизнесе. А зная Пашкин длинный язык, Петр иногда сам делился с ним историями и выводами, зная, что через несколько дней их будет знать вся заинтересованная часть города. К тому же несколько раз Колосову удавалось ненавязчиво, без всяких денег, инициировать через Тюленева настолько важные для развития бизнеса публикации и телесюжеты, которые стороннему лицу стоили бы огромных затрат.

Колосов пригласил Тюленева в свой новый деловой центр.

На открытой веранде на пятом этаже их уже ждал сервированный столик. С высоты перед Тюленевым открылся панорамный вид старого города. Синева неба, купола церквей, старые улочки, утопающие в алеющей листве. На мгновение Павлу стало жалко себя и стыдно за то, как он живет и жил, как он собирается жить. Но от этого самокопания его отвлек голос Колосова.

– Судя по твоему лицу, тебе бы сейчас не кофейку, а водочки принять, – Петр поманил официанта, который не отрывал от них взгляда на почтительном расстоянии, и заказал: – Графинчик водочки и горячей закуски молодому человеку. Только быстро.

Официанта как ветром сдуло.

– Ну, что у тебя стряслось? Зачем такие деньги?

– Петь, я скажу тебе очень секретную информацию, – наклонился Тюленев над столиком. – Мы собираемся создать свое интернет-телевидение и стать как раньше, только еще лучше.

– Мы – это кто? Царев, Соколов и то, что осталось от «золотой команды»?

Тюленев только что выпил рюмку водки и, не вдыхая, закивал головой.

– А смысл?

– Надоело отрабатывать чужие заказы. Хотим сами всем управлять.

– Да вы, я смотрю, престарелые идеалисты. Ты закусывай давай. А что, так мало денег надо?

– Да нет, просто остальные уже сложились. Это мой взнос. Знаешь, – Тюленев замялся и налил себе очередную рюмку, – просто деньги после редакции как-то глупо истратились, и я не могу сказать ребятам, что на мели. Они просто рвутся в бой, готовы правду резать.

– Ага. Да еще и выборы не за горами. Ты же понимаешь, что такая сумма подразумевает не только определенное доверие, но и определенные гарантии. У тебя квартира на кого записана?

– Да ты что? Квартира?!

– Ну а что еще у тебя есть?

– Петруха, – уже захмелев, начал Тюленев, – да я для тебя все что угодно сделаю!

– Ладно, ладно – Колосов брезгливо поморщился. – Мне надо идти. Ты тут доедай и позвони мне через недельку. Я подумаю.

Колосов не показал виду, но идея с подконтрольным телевидением давно уже будоражила его. А тут можно поиметь такой состав профессионалов и из тени определять всю политику. Да и что такое 500 тысяч рублей – интервью в федеральном журнале, которое не все и прочитают. Определенно в этой идее что-то есть. Но пусть пока Тюленев помучается, кроме Колосова, у него выхода все равно нет.

XI

Для коммунальных служб, как всегда, стало неожиданностью, что осенью бывает то снег, то дождь. Он-то и шел уже третьи сутки. На дорогах образовались реки воды, тротуары представляли большую опасность из-за огромных луж и разрушенного асфальта. Во дворах одни машины буксовали в жидкой грязи, другие глохли в лужах, больше похожих на озера. Самой лучшей обувью в такую погоду стали резиновые сапоги, как в глухой деревне. Спасибо маркетологам, которые придумали выпускать эту непромокаемую обувь ярких расцветок и интересных фасонов. Без преувеличения, этим они спасли многие жизни, предохранив от простуд и осложнений россиян, чья жизнь проходит дальше 101-го километра.

Ирина только что вошла в редакцию и, не торопясь, стала стряхивать зонт. И тут в дверях появилась Ольга Красильникова – ее преемница на ниве рекламы, постоянный оппонент во всем, что касалось денег и увеличения сборов.

Красильникова была крупной женщиной, перешагнувшей порог, который отделяет женщину средних лет от пожилой матроны. Она еще уделяла внимание своему внешнему виду, с тем чтобы понравиться мужчинам, но все более отдавала предпочтение удобству и практичности. Работа в рекламном отделе не была для нее любимым делом, но это позволяло ее детям и даже внукам питаться, одеваться, а иногда и посещать морские курорты дружественных Турции и Египта. Обычная судьба всех продавцов рекламы.

Только от основной массы Ольгу Ивановну отличала сильная хватка, отсутствие иллюзий о своих клиентах и всякого рода рефлексий: «что обо мне подумаю», «прилично ли это», «обидно, что ко мне относятся, как к человеку второго сорта». Ее стимулом были деньги. Она умела слушать часовые жалобы рекламодателей, влезать к ним в душу, помнила имена жен и клички собак своих ключевых клиентов, спокойно относилась к крику и оскорблениям в свой адрес. А во внерабочее время забывала о переговорах и рекламных проектах. Поэтому она была суперуспешным продавцом воздуха, которым является реклама в СМИ.

Продавцы ковров, картин, БАДов и косметики имеют преимущество. Они в обмен за денежные знаки дают что-то материальное, которое можно понюхать, потрогать, намазать, съесть. В случае со СМИ рекламодателю продают мечту, что его предприятие или товар заметят, купят, обласкают и в результате он получит большие дивиденды. А чтобы продать мечту, нужно знать, какая она у каждого клиента. Один мечтает о личной славе, для другого важно доказать что-то собственной старенькой маме, третья мечтает выйти замуж, а четвертый метит во власть. Ольга Ивановна умела докопаться до истинных желаний рекламодателей. Она была хорошим психологом.

– Ирина Петровна, что-то вы меня все не вызываете. А нам есть о чем поговорить, – улыбнувшись, пропела Красильникова, закрывая зонт.

– Надеюсь, о том, что реклама пошла валом и нам нужно увеличить полосность газеты, чтобы вместить всех желающих? – ответно растянув губы, спросила Ирина.

– Боюсь, не об этом. Скоро отдел рекламы можно будет расформировывать. Реклама изживает себя, за каждый рубль приходится не просто кланяться, но и ботинки целовать, – продолжая улыбаться, Красильникова пристально посмотрела на Скрябину.

– Нет повода не встретиться. Продолжим после планерки, – Ирина выдержала взгляд, сделала паузу и только потом отвернулась и пошла к лестнице.

Планерка прошла обычным чередом. Планирование номера, губернатор на первой странице анфас, губернатор в профиль со свитой на предприятии на второй странице, сентенции о будущей сказочной жизни главного коммунальщика региона на третьей, а дальше кроссворд и колонка юмора. Как обычно, прилюдно Карманова восхищалась интервьюируемым ей

на днях начальником департамента, на этот раз департамента богадельнических услуг, то есть социальной поддержки населения. Ирина раньше не понимала, зачем она поет эти дифирамбы на редакционных планерках, а затем догадалась: Карманова была уверена, что и у стен бывают уши, которые могут все передать «наверх». И она не ошибалась.

Метелина вместо статьи о детском спорте пропихивала материал о «замечательном человеке» – директоре одной из школ.

– А он что, будет платить за материал? – мрачно спросила Красильникова после вдохновенного рассказа Метлы.

– Вам бы все о деньгах говорить. Департамент образования не раз говорил, что газета должна рассказывать о том, как идет реструктуризация системы образования в области, – повернувшись к Ольге Ивановне, возмущенно проговорила Метелина.

– Особенно, если в школе этого директора учится твой сын, – как бы мимоходом добавил Высоков. Он вычитывал четверговый таблоид и даже не поднял головы.

Повисла пауза. Сначала на лице Метлы появились красные пятна, затем оно все запылало, краснота перешла на обширное декольте. Казалось, из ушей Метелиной сейчас пойдет дым.

– И что это меняет? Не стройте из себя бессеребренников. Каждый из вас старается выгадать что-то для себя. Он, действительно, нормальный директор. Я написала хороший материал. Какое кому дело, как это отразится на мне? – Евгения старалась говорить спокойно, но голос ее дрожал от сдерживаемой ярости.

– А дело в том, что после такой публикации ни один работник образования не станет платить за рассказы о своей школе, – Красильникова сидела напротив Метлы и теперь наклонилась к ней очень близко. – Зачем? Если можно выйти бесплатно. Уже завтра твоему директору будет десяток звонков с вопросом, сколько он заплатил. А он будет смеяться над тобой и говорить, что можно поиметь областное издание просто так. В результате мы не выполним план по привлечению средств, и вы, Евгения Васильевна, будете бегать по кабинетам в администрации и жаловаться, что в редакции сокращают премии, а вам сына надо в Англию отправить по школьному обмену. И виноват будет рекламный отдел.

Красильникова говорила спокойно, но чувствовалось, что это ей дается с большим трудом.

– Почему директор будет иметь нас «просто так»? – Высоков продолжал править верстку и тихо говорить. – Сынок чуть было не избил пожилого учителя английского языка, вот Евгения Васильевна и пытается не довести ситуацию до исключения. Директор-то не особо принципиальный, за свою персону он любого учителя подставит.

Воздух сгустился. Ирина затаила дыхание. Карманова наслаждалась, она видела трясущиеся руки Метелиной и не могла скрыть брезгливой улыбки. Суздальцев пытался что-то высмотреть в окне. Красильникова смотрела прямо перед собой. Полухин низко наклонил голову и даже прикрыл глаза.

– Откуда ты все знаешь, нюхорка? Тихоня тихоней сидит себе, а все-то он знает. Это мое дело. А старому пердуну все равно когда-нибудь не поздоровится, если он и дальше не поймет, что образование сейчас должно быть либеральным, как и отношение к ученикам. Какая ему разница – поставить ученику три или четыре? Ему никакой, а ребенку может серьезно осложнить жизнь, – Метелина уже почти кричала. – Мне наплевать, что вы обо мне думаете, потому что я талантливее многих из вас и могу добиваться, чего хочу, а не строю пятый год баню, – Женька показала на Полухина. – Вот ваш идеал – правильный, тихий и нищий. Я такой не буду.

Она встала, резко оттолкнула кресло, вышла из-за стола и покинула кабинет, громко хлопнув дверью.

Высоков поднял глаза от газеты и улыбнулся Полухину.

– Ты не переживай. Она хотела меня пнуть, но побоялась. Досталось тебе, как самому безобидному.

Иван еще ниже опустил голову.

– Давайте закончим это неприятное обсуждение и вернемся к делам, – откашлявшись, проговорила Ирина.

Дальше все потекло спокойно: губернатор анфас, профиль и на общем плане. Лизинг профессии и факторинг идеалов.

И вот Скрябина осталась один на один с Красильниковой. Ирина сидела во главе длинного конференц-стола, а Ольга Ивановна переместилась к ней со своего обычного места поближе.

– Почему такая нервозность, Ольга Ивановна? Что случилось?

Обычно Красильникова всех поражала улыбчивостью и энергичностью. Пусть не особо искренней и напускной, но хорошо отрепетированной и не вызывающей в собеседнике никакого отторжения. Но сейчас перед Скрябиной сидела немолодая уже женщина с грустно опущенными уголками губ, в прищуренных глазах которой был не страх, но осознание негативной ситуации, с которой она почти смирилась, но все же надеется как-то переломить.

– Ирина Петровна, вы всегда говорили, что именно реклама кормит губернаторскую газету. Что дотации власти хватит только чтобы выпускать бюллетень с подписываемыми законами, а для этого достаточно иметь всего несколько человек в штате. Ситуация не изменилась?

Ирина помолчала.

– Нет. Стала только хуже. Мы нужны власти только чтобы публиковать принимаемые законы. Без этого они не вступят в силу. Мы официальный публикатор. Вся остальная деятельность по удовлетворению властных желаний является как бы нашим свободным волеизъявлением.

– Получается, что кормят нас на три копейки, а плясать мы должны на десять рублей?

– Если утрировать, то да. Но у нас есть работа в уважаемом издании, мы можем здесь самореализовываться, входить в любые кабинеты и, если касаться рекламы, хорошо зарабатывать под властным прикрытием.

Красильникова смотрела на свои руки с утолщенными суставами и потрескавшейся кожей.

– Ирина Петровна, пока вы занимались выборами, а потом решали глобальные политические задачи, – Красильникова усмехнулась, – ситуация изменилась. Мы не в красивом костюме работаем под прикрытием, а в рванье воюем на передовой. Сейчас уже не публикации в газете показывают лояльность к власти. Чтобы быть услышанным, не нужно давать интервью, важно раскрывать кошелек в других кабинетах. Приближенным к власти мы не нужны, банкротов и тех, кого задавили налоговики, мы раздражаем, реклама товаров и услуг в нашем издании мало кого интересует. Пока еще остается немногочисленный круг бизнесменов, которые по старой привычке хотят похвастаться своими успехами перед знакомыми и друзьями. Но круг этот сужается на глазах.

Ирина все это знала. Она знала даже больше. Тираж издания был дутым. Директор типографии закрывал глаза на то, что на страницах газеты стоят одни цифры, а в счетах – совершенно другие. Но это было общей бедой. Во всех городах и весях страны. Печатные СМИ умирали из-за дороговизны подписки, отвратительной доставки изданий подписчикам силами монополиста по распространению – Почты России, снижения рекламной выручки.

Последняя стала в разы меньше после того, как крупные рекламодатели региона потеряли финансовую самостоятельность, войдя в холдинги и корпорации с финансовым управлением в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и прочих городах-миллионниках.

Власть за лояльность к себе бросала СМИ крохи, прекрасно зная, что и за такую малость будет не просто обласкана, но и облизана. Уничтожив оппозицию как таковую, портфель предржащие лишили средства массовой информации своей главной функции говорить правду, выявлять пороки и стремиться к позитивным переменам. Курс на полную коммерциализацию СМИ, особенно в провинции, превратил некогда интересные и читаемые издания в рекламные листки с добавлением местечковых новостей.

– И какой выход вы предлагаете? – Ирина уже не трудилась держать маску доброжелательности, глаза у нее потухли, вся мимика выражала усталость.

– Давайте попросим у Рыльской «волшебное письмо», которое будет обязывать предпринимателей размещаться в нашем издании, – Красильникова воодушевилась.

– Обязывать не получится, – Ирина была скептически настроена, – а вот «рекомендовать» – это можно попытаться. Я обращаюсь к Татьяне Сергеевне. Что-то еще?

– К нам обратилась ясновидящая...

– Кто?

– Ясновидящая. Она хочет разместить большой материал в газете. Давайте возьмем.

– Ясновидящая, колдуны, знахари? – Ирина с осуждением посмотрела на руководителя рекламного отдела. – Да вы с ума сошли. В губернаторской газете. Нет и нет.

– А почему же их на телевидении ставят? Оно вообще существует за счет бюджета.

– Я не знаю, Ольга Ивановна, и даже не хочу знать. Давайте всегда действовать в рамках закона и собственных нравственных установок.

– Установки, Ирина Петровна, на булку не намажешь, – закрывая тетрадь, обронила Красильникова и поджала губы.

Когда за ней закрылась дверь, Ирина несколько минут смотрела невидящим взглядом на верстку завтрашнего номера, потом стряхнула оцепенение и взялась за ручку.

Когда номер уже был сдан в печать, в кабинет вошла главный бухгалтер «Губернаторских вестей» Марина Леонидовна.

«Красильникова, что ли, ее подослала?» – пронеслось в голове у Ирины.

Бухгалтер была еще нестарой женщиной, дорого одетой и ухоженной, но вечно озабоченной, с плаксивым выражением лица. В руках она держала несколько пухлых папок.

– Ого, надеюсь, что это показатели наших доходов, – пошутила Ирина.

– Надежды мало, Ирина Петровна. Это характеристики нашего плачевного состояния, – бухгалтер положила перед Скрябиной несколько листов, скрепленных степлером, – Подписка падает, реклама не радует. И я слышала, что оплата за публикацию официальных документов областной власти будет существенно урезана.

– Откуда такие пессимистичные прогнозы?

– Свой человек в финансовом управлении нашептал. Через неделю будет официально приниматься бюджет. Если его цифры будут утверждены, то нам придется сокращать штат, а возможно, и периодичность выхода.

Для Скрябиной подобные вести были открытием. Конечно, когда тебя назначают на столь высокий пост, никому не придет в голову узнать о финансовом состоянии издания, да еще о его перспективах. Всегда подразумевается, что власть должна любить собственные СМИ, холить их и лелеять. Зарплаты в «Вестях» всегда были лучше, чем в других изданиях. Правда, еще при Тюленеве денежное довольствие стало сокращаться. И этому было свое объяснение. Законодательная и исполнительная власти воевали друг с другом, и Тюленев поставил «не на ту лошадь». Но сейчас все по-другому. Сплошной консенсус, власть в газете в анфас и профиль, сплошные крупные планы. Ирина подумала, что неповоротливый государев аппарат еще не учел новые реалии, нужно только рассказать обо всем Рыльской.

– Оставляйте все мне, Марина Леонидовна. Я все изучу и разберусь. Как же можно власти оставлять без достаточной поддержки свое детище?

Что-то во взгляде бухгалтера не понравилось Ирине. Марина Леонидовна несколько раз приоткрывала и вновь закрывала рот, как будто не решаясь что-то сказать. Потом все-таки решилась.

– Мне приятен ваш оптимизм, Ирина Петровна, но на всякий случай я бы рассмотрела статьи сокращения расходов. На большие доходы, возможно, не стоит надеяться.

Ирина решила позвонить Рыльской. Сначала потянулась к телефону спецсвязи. Но рука замерла на полпути. Потом Скрябина достала мобильный телефон и набрала номер.

– Татьяна Сергеевна, здравствуйте! Это Скрябина. Очень хочу с вами посоветоваться. Хорошо, завтра в одиннадцать я подойду.

Ирина подождала несколько секунд, чтобы первой не прерывать разговор, а потом нажала кнопку «отбой». Что-что, а субординации придерживаться она умела.

Чтобы успокоиться, Ирина стала разбирать почту. Районные газеты надо было передать Полухину, вдруг там есть тема и для областного материала. Несколько писем от каких-то фирм, предлагающих услуги печати и торгующие канцелярскими принадлежностями. Разрывая их, Ирина чуть было не уничтожила письмо с непонятным обратным адресом.

«Центр поддержки журналистики стран СНГ. Объявляется конкурс на лучший цикл печатных публикаций о представителях сельского хозяйства, образования, творческой интеллигенции...»

Еще не дочитав до конца, Ирина уже решила, что нужно послать на конкурс работы Высокова. Не афишируя отослать. Пусть завтра этим и займется Светочка.

XII

Тюленев сильно хлопнул дверью Колосовского внедорожника, выразив в этом жесте свое отношение к происходящему. И направился в офис «Фактор ТВ». В рюкзаке он нес свой взнос в новую компанию, которую по общему решению возглавил Андрей Соколов.

Позвонив через неделю Петру, Павел с замиранием сердца ждал решения приятеля о ссуде столь большой суммы денег в новый интернет-проект. Колосов был неожиданно любезен и вновь пригласил его в свой деловой центр, только на этот раз непосредственно в кабинет.

Обилие дорогой кожаной мебели и антикварных вещей в приемной несколько вывело Павла из равновесия, и он подумал, как, в сущности, мало знает о Колосове и его текущей деятельности.

Вышколенная секретарша, не особо молодая, как ожидал Тюленев, но холеная и аристократичная, как будто сошедшая с экрана фильма об английской монархии, ничем не выдавала своего изумления при виде в столь пафосном месте выдавшей лучшие времена куртки, заляпанной грязью кроссовок и плюшевого тигренка на рюкзаке Тюленева. Она привычно показала хорошие зубы, знакомые с дорогим дантистом, и предложила подождать Петра Алексеевича, занятого переговорами.

– Кофе, чай?

– Если можно, кофе, – откашлявшись, произнес Тюленев, аккуратно присаживаясь на винтажный кожаный диван цвета коньяка. Рюкзак он не решился поставить рядом на сиденье и примостил около ног.

Послышался шум кофемашины, и через пару минут леди секретарша подкатила к Тюленеву столик с маленькой чашечкой из тончайшего фарфора цвета слоновой кости с золотым ободком, сахарницей с несколькими видами сахара и сливочником. Павел не решился воспользоваться всеми этими щипчиками, ложечками и, взяв чашку в руку, стал глотать кофе, стараясь не громко отхлебывать. Он подумал, что сейчас, наверное, пьет какой-то очень дорогой напиток, который стоит бешеных для него денег, но никакого особого вкуса не ощущал. Приятная горечь, мягкое послевкусие, лучше, конечно, сублимированного «Нескафе», но, честно скажем, ненамного.

Чтобы преодолеть смущение, Тюленев достал планшет и с сосредоточенным видом стал открывать и закрывать диалоговые окна.

Но вот послышался телефонный звонок, и секретарша распахнула перед Павлом массивную дверь, обитую, как и многое в приемной, натуральной кожей. «Своих врагов», – неожиданно для себя дополнил Тюленев мысли.

Колосов вышел из-за огромного стола и пожал Павлу руку, приобнял за плечи. Увидев тигренка на рюкзаке, засмеялся.

– Так ты, оказывается, охотник?

Тюленев засмутился.

– Дочка подарила. Велела всегда с собой носить.

– А сколько твоей дочери лет? – усаживаясь в кресло, поинтересовался Петр.

– На днях будет двенадцать.

– Хороший возраст. Думаю, ей хочется гордиться отцом.

– А она и гордится, – немного нервно ответил Тюленев, разместившись в кресле напротив хозяйского стола. – Что ты решил? – Павел хотел ясности, и все игры в аристократическое общество ему стали надоедать.

– На какой срок тебе нужны деньги?

– Ну, я думаю, месяца через три я смогу понемногу начать отдавать.

– А если не сможешь?

Тюленев задумался.

– Знаешь, я мог бы тебе предложить почку, но сомневаюсь, что это тебя устроит. А больше у меня ничего нет. Ты же не думаешь, что я смогу выгнать свою семью и продать единственную материальную ценность – квартиру?

– Давай надеяться, что до этого дело не дойдет. А пока напиши мне расписку, что берешь такую-то сумму денег в долг и обещаешь вернуть частями, начиная с такого-то срока. Полная сумма займа будет погашена в течение года.

Колосов нажал на кнопку селекторной связи. Через несколько секунд в кабинет вошла секретарша и положила перед Тюленевым несколько листов бумаги и ручку. На листах был напечатан шаблон расписки с пропусками на месте суммы, дат и паспортных данных заемщика.

Павел достал из рюкзака паспорт и стал заполнять бланк.

Тем временем Колосов открыл портфель и достал прозрачную банковскую упаковку с деньгами. Пятьсот тысяч. Сто билетов по пятерке. Для кого-то привычная, небольшая часть месячных расходов, а для большинства – издевательство над их сознанием. Потому что для них пятьсот тысяч – это огромная сумма, вагон, во всяком случае, чемодан денег, но не обычная пачка в полтора сантиметра толщиной и весом в сто граммов.

Тюленев поставил подпись и протянул бумагу Колосову.

– Пиши второй экземпляр себе.

– Мне не надо. Я и так не забуду.

– Ну, тогда вот тебе мое условие. Сейчас я дам машину и тебя отвезут с деньгами к Соколову. Там ты передашь деньги ему. Не обижайся, но мне бы не хотелось, чтобы часть этих денег сразу бы ушла на другое. Это мой целевой вклад в интернет-телевидение, а не материальная помощь Павлу Тюленеву.

– Это унижительно, чувак, – Павел даже покраснел от переполнявших его чувств.

– Как хочешь. Вот деньги. Ты можешь их взять с этим условием или отказаться, я передам тебе расписку, и ты ее порвешь.

Тюленева внезапно охватил безотчетный страх. Он вдруг почувствовал, как по позвоночнику потекла струйка пота. В глазах потемнело, стало трудно дышать. Но через несколько секунд все также быстро прошло. Лишь сырая футболка напоминала о произошедшем нервном всплеске.

Павел облизал губы.

– Я согласен.

Колосов вышел из-за стола, передал ему деньги и похлопал по плечу.

– Ну что, без пяти минут медиамагнат, по рукам?

Павел кисло улыбнулся и протянул руку.

Секретарша уже вызвала водителя, и он ждал Тюленева в приемной. Затем они поехали на лифте в подземный гараж. Но не успел водитель завести колосовский Lexus, как ему позвонили по телефону. И он заглушил двигатель.

– Что-то забыли, – пояснил водитель.

Через минуту к машине подошла секретарша с папкой, ручкой и незаполненной распиской.

– Петр Алексеевич все же считает, что нужен и второй экземпляр. Давайте мы все заполним, а вы просто сейчас поставьте подпись и напишите: «Мною прочитано и согласовано».

Темнота опять стала подступать к глазам, Тюленев вышел из машины, достал сигарету и закурил прямо у знака, недвусмысленно запрещающего это делать. Водитель было открыл рот, но посмотрел на секретаршу и ничего не сказал. Через минуту все пришло в норму.

– Давайте, – протянул Павел руку за пером, не выпуская изо рта сигареты.

Расписался, отдал бланк и стал искать, куда бы выбросить окурочек.

– Не волнуйтесь, я все сделаю сама, – любезно сказала секретарша и вынула окурочек из пальцев Тюленева.

Водитель еще внимательней посмотрел на нее и опять промолчал.

Через минуту машина уже мчалась по улицам города.

XIII

Ирина уже двадцать минут сидела в приемной Рыльской. Приехав к назначенному времени, она узнала, что у чиновницы есть более интересные, чем она, посетители – журналисты из Москвы, которые выиграли контракт на создание рекламного документального фильма об области.

Скрябина слышала, что контракт был составлен таким образом, чтобы в победителях оказалась именно хорошо знакомая Рыльской команда. И вот теперь эти гении документальной рекламухи, что само по себе оксюморон, получали от Татьяны Сергеевны инструкции, где, когда и кого нужно снять для областной нетленки.

Приемная не радовала глаз ни вкусом, ни размахом. Дешевые стулья, старая вешалка и секретарское рабочее место в половину кабинета. Какое-то разнообразие в эту серую казенщину вносили цветы, приютившиеся на подоконнике. Но было видно, что никто за ними не ухаживает и живут они здесь временно.

Сидеть было скучно, но Ирина не решалась покинуть кабинет и сделать пару рабочих звонков. Почему-то она решила, что Рыльская выйдет провожать гостей и ей станет стыдно при виде Скрябиной, сидящей в приемной на неудобном стуле вот уже полчаса. А если она отойдет и Рыльская «подвига» не увидит, то как бы и нечего смущаться: сроки встречи изменились, но никто не внакладе – каждый занимался своим делом...

И вот дверь открылась и из кабинета вышли трое: две женщины неопределенного возраста богемного вида и мужчина, который более органично смотрелся бы на подиуме какого-нибудь показа модной одежды. Они были веселы и спокойны. И этим стали Ирине еще более неприятны. Она тоже хотела быть богемной и спокойной, радостно улыбнуться Рыльской и сказать, что власть должна думать о своем солдате информационного фронта: кормить его, поддерживать, а не посылать на передовую с дубиной вместо оружия и наставлениями вместо помощи. Но это только желания. Рыльская не вышла из кабинета, не оценила почти часового сидения Скрябиной под дверью, и ей было глубоко безразлично то, что волнует ее шахматного офицера.

В кабинете Ирина в который раз поразились, как дорого, скучно и безвкусно можно оформить место работы. Искусственно состаренная мебель, бордовый ковер, на огромном столе деревянный письменный набор. На полках резных шкафов фотографии хозяйки с политически выверенными господами. Кремлин-шик. Новый стиль старых чиновников.

Было видно, что Рыльская торопится поскорей закончить разговор со Скрябиной, чтобы приняться за более важные для нее дела. Всего за несколько минут Ирине было сказано, что любовь журналистского коллектива к учредителю – областной власти – должна быть искренней, а не корыстной. Губернатор не заинтересован в том, чтобы на Старой площади возникли вопросы о больших суммах, направляемых из бюджета для поддержки того или иного СМИ.

– Но государственные СМИ на то и государственные, чтобы формировать информационное поле в определенном ключе. Нам не выжить без помощи государства, мы же не рекламная газета с объявлениями, – Ирина сама не ожидала от себя таких слов. Она знала их запретность, но не могла промолчать. Она вспомнила снисходительность главного бухгалтера редакции и сытую веселость журналистской команды, которая была в этом кабинете сегодня до нее.

– Ирина Петровна, с вас никто не снимал ответственности за все, что связано с изданием. В том числе и за результаты хозяйственной деятельности. А что там с «Овощеводом»?

– Колпаков работает. Встречается с теми, кто уволился.

– И был уволен. Колпаков, как мне говорили, совсем не трезвенник, вот пусть и поговорит с теми, кто имеет определенный взгляд на случившееся увольнение.

– Но насколько корректно в материале упоминать тех, кто был уволен за пьянку, прогулы и воровство?

– А почему бы нет? Они тоже люди. Они могут иметь свою точку зрения на бывшее место работы. Для хорошего журналиста не всегда нужны реальные факты. Вполне достаточно задания, – проговорила Рыльская, рассматривая что-то в окне, а потом повернулась и прямо посмотрела в глаза Ирины.

– Я доверяю вам, Ирина Петровна. А мое доверие дорогого стоит. Материал должен выйти не позднее следующей недели. Предварительно покажете его мне.

Такого поворота Скрябина не ждала. Она сохраняла иллюзию, что их отношения с патронессой будут пусть не дружескими – это слишком обязывает, но партнерскими. А тут прямые указания, без лирики и прочих «гнилых» интеллигентских разглагольствований.

– И еще. Дом художников должен будет переехать в другое здание. Нужна поддержка газеты в этом вопросе. Приведите мнение тех, кто относится к таким изменениям положительно.

– Положительно?

– Конечно. У нас умная творческая интеллигенция, она поддерживает позитивные перемены.

Ирина почувствовала, как горло ее перехватило от гнева. Восемьдесят лет художники занимали эту бывшую резиденцию губернатора, старинный особняк XVIII века с лепниной и мраморными лестницами. В нем проходили многочисленные выставки местных и приглашенных художников, скульпторов, фотографов, дизайнеров. Двести детей от 3 до 18 лет занимались там творчеством за чисто символическую плату. И вот теперь дом понадобился какому-то своему человечку.

Руки Ирины сжались, с губ готовы были сорваться обидные для Рыльской слова. Она посмотрела на собеседницу, и пыл ее угас. В кресле сидела рыхлая тетка солидного возраста, которая просто не понимала и не могла понять свою неправоту. В ее системе координат давно не было понятий чести, совести, правды. Все они остались в далеком прошлом. Поэтому сказать ей свое мнение на происходящее было бесполезным, хотя и героическим поступком. Рыльская ничего не поймет, а Ирина лишится работы, возможно, с «желтым билетом», осложнит жизнь сыну, Высокову, Капустиной и некоторым другим сослуживцам, потому что другой редактор, вероятнее всего, вычистит их с насиженного места, как недостаточно благонадежных.

– Хорошо, – проглотив комок в горле, сказала Скрябина, – этим займется Капустина. А у меня к вам еще один разговор.

Рыльская видела настроение Скрябиной и внутренне усмехнулась. Она считала себя специалистом, поэтому была уверена, что с новым редактором придется поработать, но она быстро станет податливым материалом.

Ирина понимала, что ее вместе с газетой используют, ничего не давая взамен. Несколько минут она боролась сама с собой. Ответственность за редакцию пересилила огромное желание кинуть в эту рыхлую тетку папкой и уйти, громко хлопнув дверью.

– Мы хотели бы получить за вашей подписью распоряжение, обязывающее все государственные учреждения подписываться на «Губернаторские вести», а также получить рекомендательное письмо, которое нам облегчит сближение с бизнес-структурами, – как можно спокойнее произнесла Ирина.

Рыльская водила толстым пальцем по экрану планшета. Держала паузу.

– У вас много желаний и плохой рекламный отдел, который не может получить дивидендов с одного названия «губернаторская газета». Их организовать – ваша работа, но если вы хотите помощи... – Рыльская замолчала, опять потыкала пальцем по экрану планшета и продолжила: – Я посмотрю что можно сделать. Но и я надеюсь на вашу помощь.

Рыльская, не мигая, смотрела на Ирину.

– Все что в наших силах, – Скрыбина не отвела взгляда.
– Вот и славно. Тогда, я думаю, вам пора вернуться к своим делам, – Рыльская потянулась к телефону, давая понять, что аудиенция закончена.

Скрыбина отправилась к выходу, чувствуя тяжелый взгляд хозяйки. Около лифта Ирина столкнулась с давней знакомой, вот уже лет пять как променявшую журналистику на чиновничью работу Людмилой Бакатиной. Вальяжная, как всегда, она радостно улыбалась.

– Привет, главред. Пошли кофе пить?

– Да лучше чего-то покрепче.

– Ты у Татьяны была?

– Что, по мне очень видно?

Людмила рассмеялась.

– Она тетка принципиальная.

Ирина еще не слышала такого определения качествам Рыльской. Даль и Ожегов недоуменно пожали бы плечами на такую характеристику, а учительница какой-нибудь средней школы за это определение точно поставила бы Бакатиной пару.

Подруги вошли в кабинет, заваленный районными газетами, но при всем хаосе уютный и «женственный». На чайном столике много вкусностей, на стенах развешены фотографии внуков и самой хозяйки вместе со знакомыми журналистами.

Ирина знала Бакатину лет двадцать. С тех перестроечных пор, когда они вместе сидели на заседаниях областной думы и строчили материалы в номер. Это были занятные времена. Депутатствовали тогда интереснейшие персоны, которые победили на всенародных выборах благодаря не деньгам или связям, а только собственной позиции и красноречию. Каждое заседание думы превращалось в представление.

За 5—6 часов заседания Скрыбина и Бакатина успевали о многом переговорить. И знали друг о друге много личного. Затем пути их разошлись, Людмила оказалась в окол властных кругах. Ее умение завязывать и поддерживать знакомства позволили ей занять неплохую должность в аппарате пресс-службы. Но не такую высокую, как бы хотелось. Поистине лошадиная трудоспособность и преданность не спасали. Пагубную роль сыграла неизгладимая журналистская поверхностность.

– Люда, вот ты мне скажи, вы заинтересованы, чтобы в газете под вашей эгидой выходили материалы не только о том, куда ездит губернатор и прочие чиновники, но и материалы о людях, которые живут в области? – дала волю своему раздражению Ирина.

Она бросила сумку на ряд стульев, сняла пиджак и удобно уселась за чайный столик, не заботясь о том, как бы выглядеть поэлегантнее.

– Ты ждешь, что я соглашусь и скажу, как нам важно прочитать о дяде Ване из районного клуба и Марии Степановне из фельдшерского пункта? – Людмила уже наливала себе и Скрыбиной кофе – Нет. Нам совершенно наплевать, как они живут. Нам важно, чтобы деятельность администрации была освещена в полном объеме.

Бакатина поставила френч—пресс и, улыбаясь, посмотрела на Скрыбину.

Такого Ирина не ожидала. Она с удивлением, как на незнакомку, посмотрела на свою старую приятельницу.

– То есть нужно забыть про журналистику, про желание сделать читабельную и интересную газету и просто выпускать административный листок?

Ирина еще надеялась, что неправильно поняла Бакатину. Людмила, не переставая улыбаться, подвинула свое кресло поближе к столику, села и скрестила руки на груди.

– По сути да. Но наличие «живых» материалов может стать преимуществом при выделении грантов, финансовой помощи и проведении конкурсов.

– Ты издеваешься?

– Нет. Твоя задача правильно «облизывать» власть и качественно выполнять ее распоряжения. Все. Не надо подвигов, не надо работы на износ. Ты у руля губернаторской газеты. Так не выпусти его. Думаешь, мало желающих тебя скинуть за борт?

Ирина с ужасом смотрела на Людмилу.

– Но я недавно главред.

– Вот и оставайся им, – Бакатина недрогнувшей рукой взяла чашку и стала пить кофе, – Не стоит строить из себя акулу пера и сориться со своими подчиненными, дабы не найти проблем на свою пятую точку.

– Ты о Метле? – Ирина прикусила свой указательный палец.

– Да. Она уже позвонила всем, кому могла. Плачется, что ты ее с Высоковым третируешь. Полегче с ней. И с Высоковым тоже.

– А он-то при чем? – Ирина отпустила палец, взяла со столика конфету и развернула фантик.

– Ты в курсе, что он делал материалы для недружественных нашей власти радиостанций?

– В курсе. Но в этом нет ничего плохого. Это были обычные материалы, – Скрябина говорила с набитым ртом, поэтому вместо ясного ответа у нее получилось какое-то мычание.

– Конечно, – Людмила притворно всплеснула руками, – то предпринимательницу с тремя детьми, один из которых инвалид, видите ли, с насиженного места турнули, то инвалиду войны в квартире отказали.

– Но так оно и было. Это не является тайной.

– Ирка, прекрати его опекать. Он не доведет тебя до добра. У тебя сын, о нем подумай.

Скрябина была так ошарашена разговором, что забыла про кофе.

– О чем ты? Что происходит?

– Ничего особенного. Просто жизнь поворачивается другим боком. Работа на дороге не валяется. Особенно такая.

– Так почему меня на нее взяли, если я сама «не такая»? – Ирина протянула руку и взяла чашку с остывшим напитком.

– Рыльская считает, что ты сможешь быстро забыть про прошлые «заблуждения», да и никакой другой кандидатуры не было, чтобы устраивала всех. Ты – компромиссный вариант.

– А сама как считаешь?

– Я не уверена, потому что знаю тебя больше Татьяны.

Кофе был невкусный, Ирина пила его и морщилась.

– А как тебе самой с ней работается? Впрочем, в этом кабинете не спрашиваю. К тому же у тебя есть замечательное качество влюбляться в своих начальников. Поэтому, наверное, ты так надолго в этих стенах и задержалась.

– Хорошее качество, – улыбнулась Бакатина. – Перенимай!

После того как гостя ушла и чашки были вымыты, Бакатина пару минут, прищурившись, глядела в окно. Она уже поняла, что сегодняшнее место – «потолок» в ее карьере. Не тот, который бы хотелось, но позволяющий на хлеб намазывать слой масла, а вместо икры класть кусок колбасы. А это сейчас дорогого стоит. И этому месту надо «соответствовать». Осознав такой расклад сил, Бакатина очень любезно приняла «новую власть». Она стала для Рыльской ценным информатором обо всех событиях, происходящих в журналистских кругах, не гнушалась рассказами о настроениях коллег по администрации. Но это так, не регулярно, а чтобы внести иногда лишнюю копейку в копилку расположения.

XIV

Ирина шла по улице, ничего вокруг не замечая. Солнце, золотые листья и бодрящий воздух с запахом яблок, грибов и дождя, оставались для нее невидимы и неосвязаемы. Скрыбина полностью ушла в собственные мысли и чувства. Сейчас она ненавидела Рыльскую и мысленно желала ей всего самого плохого. Но даже в воображаемых обстоятельствах Ирина понимала, что боится Рыльскую и не сможет ничего ей предъявить.

В редакции Ирине даже не пришлось звать Капустину. Они столкнулись в коридоре, и Светлана сразу пошла в редакторский кабинет.

– Слушай, я тут познакомилась с отличным дядечкой. Работает преподавателем на кафедре машиностроения в институте и в 60 лет нашел себя в живописи. Прекрасные картины рисует. Представляешь, ему даже в Германии предлагали выставку сделать, а у нас его мало кто знает. Он вообще очень интересная личность. Давай сделаем о нем материал.

– А кто платить за него будет? Сам? – Ирина бросила пальто на конференц-стол и прошла к своему креслу.

– А почему платить? Он же не коммерческая структура. Интересный человек, а у нас областная газета. Что ж, только про власть писать будем? Осталось только сводки из туалета администрации вести.

Светлана не подходила к Ирине, она говорила и рассматривала выставленные в шкафу подарки предшественников Скрыбиной. Затем открыла стеклянную дверцу и погладила деревянного богатыря со шлемом по голове.

Ирина смотрела на все эти манипуляции невидящим взором. Она растирала кончиками пальцев виски и пыталась собраться с мыслями.

– Если платить начнут, то и сортирные сводки вести будем. Ты прекрасно знаешь, что прежде всего мы должны информировать читателей об официальных мероприятиях – это основное блюдо, а остальное – десерт. Без него и обойтись можно.

– Но не только же щи хлебать? Кислятиной в редакции пахнуть стало. Неужели ты думаешь, что человеческие материалы могут вызвать негативную реакцию «наверху»? – Капустина отошла от шкафа и села в кресло напротив Ирины, – Мы не можем не писать о людях. Нас и так мало кто читает и выписывает. А в свете распоряжений из «Белого дома» скоро вообще станут переключивать в макулатуру. Тираж снизился до минимума. Нас выписывают только по разнарядке.

– Это их дело. А наше с тобой дело выполнять договор с администрацией. Тираж Рыльская пообещала обеспечить. Из бюджета выделяют деньги на подписку для сельских поселений, старост и социальных учреждений. Напечатаем мы про твоего преподавателя-художника, и сразу же с докладом в администрацию побежит председатель областного Союза писателей. С него мы денег запросили, а тут самоучкам подарки раздаем. Этот председатель постоянно в администрацию бегаёт. Хочет госзаказ получить на серию рассказов «Сторона родная всех родней и краше», напечатать эти опусы миллионным тиражом и снабдить такой макулатурой все школы области, чтобы они всегда помнили о том, где у них Родина, где их место. Хочешь, вот об этом и напиши. В субботний номер поставим. А социалки тебе не хватает – поезжай по районам с губернаторскими проверками и будешь описывать, как плохо люди жили при прежнем губернаторе и как они замечательно заживут после того, как их проблемы решит хозяйка вся области Алевтина Георгиевна Медведева.

– А тебе не противно? – как в кабинете Бакаатиной Ирина смотрела на Людмилу, сейчас на нее так же смотрела Капустина. Круговорот удивления в природе.

– С чего бы? Я четко решаю поставленные задачи. Да и тебе не противно, не надо преувеличивать. Зарплату с удовольствием получаешь, а издержки есть в каждой профессии.

Светлана встала, молча развернулась и пошла к двери. Она не могла понять, играет Скрябина или говорит серьезно, потеряв связь с реальностью.

– Света, подожди.

Гнев, который мешал Ирине дышать и заставлял говорить не то, что думаешь, вдруг испарился.

Ирина Петровна ценила Свету Капустину, потому что та любила людей, любила город, в котором жила, и смотрела на мир с оптимизмом. В журналистику она пришла после работы в школе. Для нее не было нелюбимых тем. Писала о политике, экономике, социальных учреждениях и спорте. И в любом ее материале на первом месте был человек, личность. Рекламный отдел очень ценил Капустину за безотказность, обязательность и позитивный настрой. Почти все ее материалы принимались заказчиком с первой попытки, хотя в них почти не было «соплей и сиропа», специалистом по которым в редакции была Карманова. «Она совсем не подлая», – кто-то давно сказал о Капустиной. И это была правда. Даже своего злейшего недоброжелателя Светка готова была спасать от нападков. Она верила, что только доброта спасет этот безумный мир.

– Светка, – Ирина сделала паузу, потеряла лицо, – Они выселяют художников из их Дома. Капустина обернулась. Глаза у нее расширились, с губ сорвалось неприличное слово.

– Зачем? Им что, места мало?

– Такого места в самом центре города и в таком особняке у них нет. Начнутся проверки налоговых и прочих силовых структур. Они обязательно найдут там коррупцию, и шокированные художники сами согласятся на переезд.

– Так надо что-то делать. Стараться не допустить подобного.

– Света, они ничего не поймут. Я заикнулась. Как со стеной поговорила.

– Но это нельзя бросать.

Светлана опять приблизилась к столу Скрябиной. Ирина вздохнула и посмотрела пристально на Капустину.

– Ты сама напишешь материал обо всем этом.

– С ума сошла? Никого другого не нашла писать этот пасквиль? – глаза Светланы расширились и весь облик выдавал сильнейшее возмущение.

– Ты напишешь, я сказала. Карманова, Метелина и вся гоп-компания накарябают так, что в администрации понравится. Только много людей, мнением которых мы с тобой дорожим, после этого газету и в руки брать не будут. Поэтому пиши ты. Представь все точки зрения. Я тебя очень прошу.

– Мой материал не пройдет проверки у Рыльской.

– А я его и не покажу. Прямого указания для этого не было. Напечатаем на дурачка.

– Ира, ты играешь с огнем. Но я напишу, конечно.

После кабинета редактора Капустина стала спускаться в курилку. Светка хорошо помнила советские перестроечные и нынешние региональные СМИ. Они разительно отличались. В советских газетах вы могли найти материалы и о доярках, и о простых бухгалтерах, но это были образцово-показательные труженики. Статьи о них должны были стать стимулом для других еще не совсем, а чаще всего совсем непоказательных доярок и бухгалтеров.

На страницы перестроечных изданий доярки и бухгалтеры могли попасть, если прирежут друг друга или съедят своих детей. Скандалы и кошмары интересовали журналистов. Но встречался и качественный анализ ситуации, почему скромные труженицы дошли до жизни такой. Журналистские расследования были востребованы и популярны. Мастеров этого жанра, таких как Высоков, боялись и уважали. В двухтысячных на место этих профессионалов пришли шакалы пера. Они уже не выслеживали врага, а ждали, когда какой-то высокопоставленный человек перебежит кому-нибудь дорогу и компромат на него журналисту сольют заинтере-

сованные товарищи в штатском. Они и скажут «фас». Вместо расследований сплошная зака-зуха. Сейчас без команды журналист даже информацию перепроверять не будет. Лениво.

А живых, нормальных людей на страницах СМИ не стало совсем. Или бодрые директора компаний, заплатившие за рекламу, или официальная информация, в лучшем случае, худо-жественно переработанная. За право на кусок этой переработки в редакции дерутся. Сидишь в редакции и стучишь по клавишам, гонорар и почет.

Газеты, радио и телевидение вместе с властью и крупным бизнесом живут в параллельном мире, отличном от среднего человека.

В то время как Капустина набирала номер знакомого художника, чтобы сориентиро-ваться в складывающейся ситуации вокруг Дома искусств, в кабинет главреда вошел Высоков.

Ирина вычитывала первую полосу газеты: Алевтина Медведева на открытии нового дома для престарелых.

Алексей подошел к ней и заглянул в распечатанную страницу.

– Читаешь! Это у нас будет дом свиданий образцовых престарелых с высокопоставлен-ными чиновниками. Ты слышала, что жителей этого дома отбирали практически, как космо-навтов: ходячие, чистоплотные, в своем уме, приятной наружности? Собирали со всей области.

– А Бакатина права, когда говорит, что тебе везде надо найти чернуху. Откуда ты зна-ешь про престарелых? – Ирина ехидно посмотрела на вольготно расположившегося в кресле Высокова.

– А у меня кругом знакомые-приятели. Я, в отличие от некоторых, с людьми не сорюсь, вот они и отвечают добротой на доброту. Так что у нас плохого?

– Плохого масса. Только не будем заострять на этом внимание. У тебя в еженедельнике место в следующем номере есть?

– Есть. А кого надо «погладить» бодрым текстом? Иногда мне кажется, что мы скоро всех этих монстров так залижем, что им в сортир будет сложно ходить. Все отверстия зарастут.

– Не волнуйся за них, – Ирина продолжала править первую полосу – Они за нас не вол-нуются.

Затем отложила ручку.

– Давай сделаем несколько материалов о здоровом образе жизни: нет курению и алко-голю, вперед к Олимпиаде!

Высоков демонстративно достал пачку сигарет, зажег и закурил. Ирина наблюдала, как он делает затяжку и медленно выпускает струйку дыма.

– Меня всегда умиляет, когда за трезвость и нравственность борются алкоголики и раз-вратники. В административный буфет не успевают завозить бухло. Если раньше его разбирали под праздники, то теперь каждый вечер как праздник. Виски им подавай, дорогие портвейны и вина. После этого не удивляет, что мы пожинаяем утром.

– Лешка, хватит острить, – Ирина отогнала дым от лица. – Меня Рыльская своими цен-ными указаниями просто замучила. Давай поставим пару текстиков о здоровом образе жизни.

Ирина сказала, а потом испугалась, прикрыла рот ладонью и посмотрела на телефон спец-связи. Алексей посмотрел на Скрябину пристальным взглядом, подошел к аппарату и выдрал шнур из стены.

– Лешка, зачем? Они сразу поймут, что я знаю, зачем стоит телефон.

– Ты так испугалась, что я подумал, что там змея, по крайней мере. Вот и обезвредил ее. А ты, оказывается, прослушки боишься. Ну, и незачем строить из себя дуру. Поймут и поймут. Про материал мне все ясно, а Данила как?

Ирина смотрела на выданный шнур спецсвязи.

– Как все подростки. Играет в компьютерные стрелялки, учится из-под палки и меня не слушает.

– Что же ты такого говоришь, что тебя нормальный, умный парень отказывается слушать.
– Уйми свою иронию, Макаренко, – Скрыбина перевела взгляд на Высокова. – Я хочу, чтобы он получил нормальную профессию. Прикладную. А он твердит об истории, которая в нашей стране переписывается каждые десять лет. Разве можно ее сделать делом жизни?

– Он просто хочет найти точку опоры, узнать правду.

– И сидеть с этой правдой, которая никому не нужна, за пять копеек?

– А тебе всегда нравятся те, с кем ты имеешь дело? Они получают тысячи, сотни тысяч, миллионы и что?

Сегодня все смотрели на Ирину с улыбкой, и это уже начинало сильно раздражать.

– Знаешь, для своего сына я хочу, чтобы он был сытым и мог хорошо устроиться в жизни.

– Ирка, ты это врешь. Все ты придумала.

– В каком смысле? – Ирина взяла в руки пресс-папье, примериваясь, как бы его запустить в Высокова, чтобы попасть, но не покалечить.

– В прямом. Общество потребления навязывает тебе ту модель, которая тебе не свойственна, – одним быстрым движением Алексей выхватил у Ирины пресс-папье и поставил рядом с собой.

– Леша, но именно в этом обществе мы и живем. Как же ты не хочешь этого понять?

– Понимаю, – Высоков поднялся с кресла и передал Ирине рисунок, который только что нарисовал ручкой. – Принять не могу.

Когда Высоков закрыл за собой дверь, Скрыбина посмотрела на рисунок. Легкими штрихами на бумаге была нарисована белка в колесе. Колесо быстро крутилось, белка бежала, и в глазах ее был испуг.

XV

В субботу, когда Ирина проводила Данилу в школу и решила еще немного поспать, раздался телефонный звонок.

– Ирина Петровна, это с охраны звонят. Тут какие-то люди пришли, говорят, устанавливать оборудование. Мне что делать?

И почти шепотом.

– У них всех удостоверения из областной администрации.

– Какое оборудование, какие книжки?

Спросонья Ирина никак не могла понять, что происходит. Потом она стряхнула оцепенение и уже уверенным голосом распорядилась:

– Дайте самому главному из них трубку. Что за оборудование? Почему меня не предупредили?

– Здравствуйте! Почему вас не предупредили – вопрос не ко мне. Мы пришли ввести вас в общую с администрацией сеть и починить спецсвязь. А вы мешаете нам это делать, – голос на том конце провода был укоризненным, но не нахальным.

– Я просто впервые об этом слышу, – Ирина была ошарашена происходящим. – Вам придется подождать, пока я доеду. Все должно быть в моем присутствии.

Ирина кинулась одеваться и вызывать такси. Уже сидя в машине, она подумала, как быстро они поняли, что канал не работает. Значит, постоянно слушают, или донес кто? Но кто? И что это за единая сеть?

На вахте сидел охранник Сергей Иванович, пожилой человек совсем не охранного вида с седой бородой. Иногда к нему приходила внучка, и было слышно, как она ему читает сказки из большой книги с картинками. Он очень нравился Ирине, и с ее легкой руки его в редакции стали называть Мороз Охранович.

– Ирина Петровна, а они вас не послушались. Сказали, что им надо еще на другие объекты ехать, и поднялись в ваш кабинет, – Сергей Иванович вышел из-за стойки.

– Не волнуйтесь, – Ирина успокоительно похлопала его по плечу, – Я все выясню.

И побежала на второй.

В кабинете хозяйничали двое мужчин. Оба в штатском. На конференц-столе был разложен многочисленный инвентарь. Один устанавливал что-то в компьютере, другой чинил телефон спецсвязи.

– Почему вы меня не подождали? – Ирина задала вопрос для проформы, потому что было понятно, что своего хозяина они боятся гораздо больше, чем ее, и слушать будут только его распоряжения.

– И вновь здравствуйте! У нас график. Поэтому ждать мы не можем, – ответил тот, кто копался в компьютере. Он добродушно улыбался и этим стал еще более неприятен Ирине.

– Меня никто не предупреждал! Что это за сеть?

– Предупредить были должны. А вот что за сеть, я вам отвечу. Теперь вы находитесь в общей системе со всеми компьютерами областной администрации. Поэтому теперь вам не нужно тратиться на всякие антивирусные устройства. Мы всегда будем отвечать за ее безопасность. И еще. Раньше, чтобы послать какой-то документ кому-то в администрацию, надо было отправлять его электронной почтой. Устаревшая и очень уязвимая процедура. А теперь вы создаете в общем разделе свою папку, и ее содержимое всегда может посмотреть заинтересованный человек. И обратно то же самое: для вас могут выкладывать документы в эту папку.

– Что такое общая сеть я прекрасно понимаю. Но зачем она нам такая связь с администрацией? Значит, теперь вы сможете залезть в любой компьютер редакции? Мы все под колпаком?

Ирину била мелкая дрожь.

– А почему вас это пугает? – широко улыбнувшись, спросил спецслужбист. – Все личные файлы должны храниться в домашнем компьютере. Не надо путать личное и рабочее. Это шаг к безопасности. Вот так и надо это интерпретировать. А что у вас с телефоном было? К вам не могли дозвониться, заодно дали задание наладить связь.

– Я его случайно вырвала. Приняла за другое.

– За что?

– За другой провод, – Ирина смотрела прямо в глаза своему мучителю и нервно облизывала губы.

– Какой другой? – было видно, что службист ничего не понимает. – Да ладно. Теперь мы все починили, и вы всегда будете на связи. А теперь нам надо пройти во все кабинеты к компьютерам. Не возражаете?

– Возражаю. Только вы все равно меня не послушаете. Сейчас я принесу ключи.

– Да не беспокойтесь. Мы сами все аккуратно сделаем. А вы поезжайте лучше домой.

Скрябина вышла из кабинета и присела на стул. Она не знала, что делать. Кому звонить? Потом достала телефон и набрала номер Рыльской. Послышались длинные гудки. После пятого Ирина нажала кнопку «отбой».

Сознание Скрябиной не могло вместить, что теперь вся жизнь редакции будет просматриваться-прослушиваться из областной администрации. Зачем? На будущее? Значит, «наверху» не уверены, что сегодняшняя благонадежность долго сохранится. Почему ее не предупредила Рыльская? Как и где теперь можно говорить?

За окном застучал дождь.

– Мне нужно принять ситуацию и жить по их правилам, – внушала себе Ирина.

Но ничего не принималось, и их правила становились все омерзительней.

XVI

Светлана Капустина тихо шла от Дома художников к центру. Столь нетипичный для нее ритм был вызван прошедшим разговором. После получения задания у Скрыбиной Светлана начала собирать информацию по учреждению. Кто и зачем хочет занять Дом, было понятно с самого начала. Сложнее оказалось разузнать, почему такая идея возникла. Но теперь общая картина окончательно сложилась. Совершенно точно стало известно, что инициатором такой рокировки выступил Евгений Глазьев, бывший одноклассник Капустиной и ее первая любовь. Красивый богемный юноша с темными, как спелая вишня, глазами, высокий и стройный, как римский бог. Он появился в их 7-м классе после перевода отца-военного в наш городок. Светка любила издали, боясь даже посмотреть на него. А он сам одарил ее своим вниманием.

Женя уже в детстве решил стать знаменитым художником, творческой элитой и не собирався тратить время на всякие физики-алгебры. Практически все предметы Глазьев списывал у Капустиной, для этого и сел с ней за одну парту. Такая у них была «дружба» до окончания школы. Он «позволял» себе помогать. А после выпускного сразу исчез. Спустя годы, когда судьба их сталкивала на тех или иных мероприятиях, Глазьев никогда не отворачивался от Светки, но и ни разу не подошел. Только важно кивал в ответ на ее приветствие. Теперь другие ему «помогали». Он закончил художественно-графическое отделение местного института, съездил в Москву. Но там его талант не особо оценили. В столице много молодых и амбициозных художников. Каждый хочет денег и славы. Только большинству приходится всего достигать огромной работоспособностью, умением оказаться в нужном месте в нужное время и не гнущаться поклонами перед статусными людьми. Евгений работать и кланяться не хотел, вернулся домой. Но из своей недолгой поездки сделал целую легенду о гениальном художнике, который не стал продавать «искусство» за копейки и не согнулся перед пошлостью и коррупцией... Так он занял неплохое место в среде местного бомонда. Но ему всего было мало. Денег, почета, власти. Мешали мастера «старой школы».

Он занялся скульптурой, чтобы своими произведениями «украсить» улицы города. За большие деньги, конечно. Городская администрация была не против. Искусством самопиара он владел мастерски. Только маститые работники искусств почему-то возмутились, а за ними и горожане стали на интернет-форумах нелестно отзываться о его шедеврах. И Глазьев затаил обиду. Поэтому когда в области появилась Медведева, все свои амбиции и планы о мести он стал связывать исключительно с этим именем. И быстро преуспел. Сначала подарил на день рождения ее портрет и получил заказ на картину для подарка приятельнице губернатора. С болью в голосе рассказал о невостребованных скульптурах для города и быстро сбыл с рук несколько из них для установки на площадях, а потом и получил заказ на идеологически выверенные патриотические картины для районных администраций...

А затем Женя Глазьев, длинноволосый, полнеющий от обильных застолий и ночных возлияний придворный художник, осуществил давно лелеемый план мести. Присутствуя совершенно случайно при разговоре о том, что в регион приходит очередная родственная коммерческо-государственная структура и ей нужно найти достойное место для размещения, он заметил, что самое «достойное» место – это Дом художников, который можно перевезти и в другое место. Тем более что там сейчас очень нездоровая атмосфера, нет радости от происходящего, много злопыхателей и, прямо скажем, потенциальных оппозиционеров. Ночью, после того как персональный водитель главы региона привез очередной пакет с элитным алкоголем и этот алкоголь уже попал в горло собравшегося бомонда, идея с переездом была одобрена губернатором. Правда, Глазьев мечтал не только расправиться с теми, кто не одобрял его подход

к жизни и искусству, но и самому занять Дом художников, открыть там собственную школу. Но к этому нужно было идти слишком долго. А злоба разъедала его здесь и сейчас.

Обо всем этом думала Капустина, подходя к областному театру драмы. Она давно не идеализировала Глазьева, но такой поворот событий принес ей не просто разочарование в конкретном человеке, но и горечь воспоминаний о школе, детстве и юности, в которых фигурировал Евгений. Светлана понимала, что написать интервью с Глазьевым о необходимости уничтожения, то есть переезда Дома художника в другое помещение, она не сможет. Трезвая, она просто не вынесет такого потока лжи и спеси, задохнется, заплачет, начнет унижаться. А прийти на интервью пьяной, чего Капустиной еще не доводилось делать, значит, просто наброситься на Глазьева с кулаками.

Съедаемая противоречиями, Светлана Капустина зашла в магазин и купила бутылку водки. Самой дешевой. На приличную денег не было.

XVII

Ирина Скрябина посмотрела на часы. Через два часа у нее была назначена встреча с парикмахером, вернее, стилистом, как модно сейчас говорить. Ирина старалась хоть в чем-то походить на успешную business women и поэтому видимые части облика держала в порядке. А пока у нее еще был час времени, чтобы просмотреть еженедельное приложение, редактируемое Высоковым. Обычно это занимало совсем мало времени. Алексей никогда не подводил ни подбором материала, ни оформлением.

Ирина зашла в отдел верстки и взяла полосы будущей газеты. Высокова в кабинете не было.

Вернувшись в свой кабинет, Ирина приоткрыла окно, налила кофе и начала чтение. От заголовков первой страницы чашка в ее руке закачалась. Она поставила ее на стол, зажмурилась, вновь открыла глаза и опять посмотрела на первую полосу.

«Куриль и пить – здоровью вредить!» – это был первый заголовок. Далее: «Вонючкам не место в нашей жизни!», «Жирная еда под запретом!», «Не надо полумер!». Ирина почувствовала странное шевеление в волосах. Она не могла понять, что она читает, кто это написал и зачем, к чему эта провокация? Стараясь справиться с сильным сердцебиением, Ирина набрала номер парикмахера.

– Вероника, это Ирина Скрябина. Извините, что подвожу Вас, но сейчас никак не смогу прийти. Цейтнот на работе. Давайте наметим встречу на другой день. Я вам перезвоню.

Ирина нажала отбой. Несколько минут молча сидела, смотря невидящими глазами в пространство. Затем любопытство побороло ярость и растерянность, Ирина начала читать. Она дала задание подготовить материалы против курения, и это было с блеском исполнено: живые истории, мнение врачей и психологов, тест на никотинозависимость, пара карикатур. Но это было только начала таблоида.

Далее шли другие материалы. «Трудящаяся Алина Иванова» жалуется, что ее работоспособность падает от того, что в автобусе и на рабочем месте ей дышат в лицо перегаром, луком и чесноком, поэтому необходимо применять к подобным «вонючкам» статью закона об административном нарушении. Ее поддерживает «трудящийся Карамышкин» – аллергик, который считает недопустимым использование духов, дезодорантов и прочих косметических веществ с сильным запахом в общественных местах, так как это может вызвать у некоторых людей не только тошноту, но и отек дыхательных путей.

Врач Сидоров рассказывает о том, что ожирение не только влияет на работоспособность конкретного человека, но и всего общества, так как сокращается число здоровых работников в народном хозяйстве. Кроме того, родители с избыточной массой тела прививают свое отношение к еде детям и те, в свою очередь, тоже выпадают из числа здоровых, работоспособных людей. Другой эксперт идет дальше и предлагает не принимать на работу людей с избыточной массой тела, если у них нет медицинского подтверждения, что толщина является следствием болезни, а не «распушенности». В «письмах читателя» были и другие предложения: не продавать чипсы, сухарики, газированные напитки детям до 18 лет – «чтобы росли здоровыми»; один день в неделю в школах сделать только спортивным – пусть дети 4—5 часов занимаются исключительно спортом; перестать выпускать одежду более 54 размера, чтобы толстяки или худели, или заказывали одежду индивидуально – это и стимул для похудения, и экономия для легкой промышленности...

Ирина была шокирована, как реальные проблемы сегодняшнего общества можно перевернуть. Снять с государства ответственность за своих граждан, их медицинское обслуживание, образование, культурное воспитание, социальную адаптацию, все возложить на самих людей. Начать геноцид по весу, запаху, привычкам. Всех неукладывающихся в «нормативы»

сделать изгоями, презираемыми социумом. Скрябина достала телефон, но звонить не пришлось. Дверь открылась, и Высоков вошел в кабинет. Он казался спокойным, но в глазах был не только интерес, но и озорство.

– Привет. Ты, наверное, меня хотела видеть.

Ирина откашлялась, чтобы начать говорить, но потом сказала совершенно другое, что намеревалась.

– Есть вопросы по номеру. Но мне надо ненадолго отойти. Вы меня не проводите?

Затем Ирина подошла к Высокову, взяла его за рукав пиджака и потянула из кабинета. В приемной он попытался что-то сказать, но Ирина поднесла палец к губам и направилась к выходу из здания. Когда они вышли на улицу и отошли шагов на десять от двери, Ирина заговорила.

– Только честно скажи, ты специально меня подставляешь?

– Что ты имеешь в виду?

– Макиавелли ты недоделанный, думаешь, никто не догадается, к чему все эти материалы? Разве можно нормально воспринять твои параллели с фашистской Германией и прочими тоталитарными режимами?

– А может, все не такие умные, как ты?

– Лешка, я понимаю твое отношение к власти. Но меня зачем подставлять, зачем подставлять людей?

– Почему этому беспределу никто не возражает. Все молчат, хотя бояться пока нечего. Никого не убивают и не сажают. Но все бояться сказать свое мнение вору, взяточнику, подлецу. Мы – журналисты, ты об этом забыла?

– А ты забыл, что у каждого из работников «Вестей» есть дети, родители, которых надо содержать. Ты забыл, что все печатные СМИ области или сдохли, или умирают и только у нас выплачивается относительно нормальная зарплата? Куда все мы пойдем работать, на улицу? Так места дворников заняты выходцами из Узбекистана и Таджикистана. Куда?

Ирина покрылась пятнами, она вышла из себя и, схватив Высокова за лацканы пиджака, стала трясти.

Мимо шла нагруженная пакетами немолодая женщина, она остановилась, посмотрела на парочку и, усмехнувшись, пошла дальше. Такая реакция прохожего охладила Ирину. Она отпустила руки, повернулась и пошла в редакцию. Алексей догнал ее.

– Ира, почему ты не стала говорить в кабинете?

– В выходные приходили особы. Они поставили под контроль все компьютеры и вновь наладили спецсвязь, может, и жучки поставили, не знаю.

Ирина чувствовала себя потерянной и очень уставшей.

– Но сегодня уже четверг, почему ты не предупредила нас об этом раньше?

– Не знаю. Забыла, наверное. А может, пыталась сама себя успокоить, что ничего страшного не произошло. Да и кого предупреждать? Карманову, Метелину, Касаткина?

– Мы говорили со Светой.

– Капустиной?

Ирина подняла на Высокова покрасневшие глаза.

– О чем?

– С Домом художников все очень плохо. Этого нельзя оставлять. Она сама тебе все расскажет. Когда ты встретишься с ней?

– Давай после работы в кафе напротив. А сейчас я должна подумать, что делать с номером.

– Не беспокойся, у меня полосы, которые тебя устроят. Их поставим. Будет нормальный серенький номер.

– Лучше серенький, чем черненький.

Ирина улыбнулась и вздохнула так сладко, как будто была маленьким ребенком, которому сделали укол. Было больно и обидно, он долго плакал, а потом утешился, когда в кулачке оказалась вкусная конфета.

Возвратившись в кабинет, Ирина открыла сайт местных новостей. Главной новостью дня были обыски в комбинате «Овощевод». Директор предприятия Иван Леонидович Двинский после допроса оперативниками о фактах коррупции на предприятии был госпитализирован с подозрением на инфаркт.

Когда через несколько минут Высоков вошел в кабинет главного редактора, Скрябиной там не было. Добежав до ближайшего магазина, Ирина купила пачку сигарет. А затем, сев на трубу теплотрассы в кустах недалеко от редакции, курила сигареты одну за другой.

XVIII

День рождения – грустный праздник, только если ты рядовой человек. Но чем выше ты сидишь, тем праздник становится все веселее для тебя лично и более хлопотным для окружения.

Ко дню рождения губернатора готовились заранее. Все желающие лучшей доли или остаться при нынешней думали не только о том, чем одарить главу губернии, но и как поразить, привлечь внимание. Потому что все верили, будто любовь Алевтины Георгиевны Медведевой привлекает любые контракты и тендеры, открывает небывалые возможности и дарит успех.

Забегая вперед, стоит отметить, что все надежды на барскую любовь позже окажутся разбиты. Губернатор могла, конечно, полюбить то или иное предприятие или бизнесмена. И даже говорить о нем тепло со всех трибун и на всех мероприятиях. Но такое тепло постоянно требует «дров» в виде «благотворительных» взносов, финансирования показушных праздников и форумов, памятников и производств, на открытии которых Медведева будет делать реноме благотельницы. А вот защиты и поддержки от этой любви не будет никакой. Бизнес измеряется в деньгах, а не в красивых фотографиях, рассылаемых пресс-службой администрации. Но это осознание придет намного позже, а пока многочисленные ряды претендентов на похвалу губернатора выбирали подарки, чтобы удивить местную «барыню».

Прежний губернатор шумихи не любил, а так как практически все время пребывания на посту чувствовал неприятие хозяев самых высоких кабинетов страны, то дорогих подарков боялся. В свой день рождения он обычно уезжал на рыбалку и там собирал очень узкий избранный круг.

Новая хозяйка областной администрации прекрасно понимала, что любовь высокого начальства может очень быстро оказаться нелюбовью по самому пустяковому поводу, но пока не стесняла себя условностями ни в поведении, ни в аппетитах.

Чтобы не попасть впросак, выбор подарка многие руководители разного ранга и форм собственности решили согласовать с Рыльской. Та почувствовала в этом реальный шанс упрочить свое положение в администрации и повернуть некоторые денежные потоки в таком направлении, чтобы кое-какие ручейки оседали в ее личном кармане.

Все это сразу выяснила Карпович, но поделать пока ничего не могла. О ее близости к губернатору и влиянии знали, но идти к ней побаивались. Мало кто рисковал просить у нее покровительство. Это злило Олесю Карпович, но не настолько, чтобы изменить свое отталкивающее многих поведение. Она была уверена, что ее время настанет. Для чего? Об этом не знал никто из людей. Только толстый кот Бонифаций был в курсе всех тайных желаний хозяйки. Ему много приходилось выслушивать, когда она мрачная под действием алкоголя возвращалась домой.

Он появился в Олесином доме совсем неожиданно. Промозглым зимним вечером вышел из подвала, где спал вместе с другими котятами, и несмело сделал несколько шагов по чистому, только что выпавшему снежку. Неожиданно большая рыжая собака выскочила из-за угла. В глазах псины котенок увидел охотничий азарт. Пришлось бежать, забираться под машины, чтобы перевести дух, и снова бежать. А когда погоня прекратилась, он оказался в незнакомом дворе и, наверное, замерз бы, если бы не тетка в черном бесформенном пальто. Она неторопливо шла к подъезду и остановилась, чтобы докурить сигарету. И тут котенок заплакал так душераздирающе, что женщина испуганно стала смотреть по сторонам и «кискискать», стараясь выяснить источник плача. Он сразу спрыгнул с забора, подбежал, залез по штанине на грудь этому большому и теплому зверю и там затих, вцепившись всеми коготками в выдавшее виды пальто. Так трехцветный кот, названный Бонифацием, оказался в квартире Карпович и стал для нее

самым понимающим и любимым существом. Единственным любимым существом. Но пока Боня, уютно устроившись на диване, спал дома, в администрации Карпович внимательно анализировала, как она может осложнить жизнь Рыльской.

Наступил день рождения губернатора. О том, что в этот день Медведева предпочтет уехать в Москву, к своим приятелям сенаторам, министрам и прочей элите, чем выслушивать плебейские дифирамбы местного бомонда, ее окружению было известно за неделю. Но желающих одарить именинницу об этом, естественно, не предупреждали. Да и как было возможно не отметить в администрации в столь важный день.

У Рыльской все было продумано. Все поздравляющие направляются в круглый зал администрации: отдают цветы одним девушкам, подарки с именными карточками – другим, расписываются в книге поздравлений и уходят, не забыв посетить кабинет начальника СМИ всей области и общественных объединений. Об указанной последовательности всех предупредили. Но поздравительная машина дала сбой.

Около десяти утра, когда стоянка перед администрацией уже не могла вместить всех поздравителей, охрана внезапно перестала пускать посетителей, не имеющих специального разрешения на посещение администрации. Можно было или вызванивать приемную Рыльской, чтобы оформить пропуск, или оставить подарки на столах, которые предусмотрительно принесли из пресс-центра. Дозвониться до приемной оказалось непросто. Секретарша Леночка не успевала сообщать на пункт охраны фамилии пропускников. Поэтому многие оставляли подарки и, тихонько ругая Рыльскую, удалялись. Периодически к столам подходили крепкие мужчины и уносили подношения в круглый зал. И что только им не приходилось носить: бюст губернатора из мрамора; картины с местными достопримечательностями, сельскими проселками и изображением опять же Алевтины Георгиевны; пирог, испеченный в монастыре, размером метр на два; штук десять подарочных фолиантов с золотом, серебром и позолотой; копию Шапки Мономаха...

Те, кто относился к небожителям, обладающим красными корочками для пропуска в здание администрации, пытались следовать технологии, разработанной Рыльской. А некоторым посчастливилось оказаться в круглом зале администрации около полудня и стать свидетелем небывалой по дерзости сцены.

Подарки уже занимали почти половину огромного помещения площадью около 200 квадратных метров. Каждый «сувенир» содержал ярлычок, который показывал «матери-губернатору», кто приложил руку к этому подношению. И вот эти опознавательные знаки стали безжалостно отдирать и складывать бесформенной кучей рядом с цветами. Через пять минут уже было не понятно, от кого макет сверхскоростного поезда, призванного олицетворять то ли стремительность губернатора, то ли развитие области; кто подарил гигантский торт, а кто восточный халат с золотым шитьем. Зал собраний стал напоминать то ли лавку старьевщика, то ли комиссионный магазин. Тут тебе и одежда, и посуда, и живопись со скульптурой.

Узнав о таком афронте, в зал собраний вплыла Рыльская. Шея у нее покраснела, кокетливо завязанный утром шейный платочек теперь напоминал помятый пионерский галстук.

– Что это такое? – начала Татьяна Сергеевна и осеклась.

Около стола, заваленного цветами, стояла Карпович и, не торопясь, просматривала оторванные от подарков визитные карточки. Олеся была в своем неизменном мешковатом костюме, но именно она почему-то казалась здесь главной хозяйкой в отличие от безукоризненно одетой Рыльской. Поэтому у технического персонала и мелких клерков никогда не возникало вопросов, на чьи распоряжения реагировать в первую очередь – конечно, на распоряжения Карпович.

– Представьте, Татьяна Сергеевна, теперь у Алевтины Георгиевны есть даже личный рысак. Я сама видела. Сертификат и документы лежат среди подарков.

Тон Карпович был спокойным и доброжелательным.

Рыльская несколько раз беззвучно открыла и закрыла рот, потопталась с ноги на ногу и только тогда произнесла.

– Рысак – это великолепно. Но, вероятно, нерадивыми работниками была сделана большая оплошность. Теперь трудно разобраться, кто и что подарил.

– А разве это важно? – Карпович подбросила визитки в воздух и улыбнулась. – Неужели губернатор, по-вашему, должна обойти все это барахло и прочитать этикетки на каждом подарочном экземпляре? А для дарителей, думаю, это тем более не надо. «Делай добро и бросай его в воду». Так, кажется, говорится в известной мудрости. А это всего лишь поздравления ко дню рождения. А ждать за подарки похвалы, я думаю, признак очень плохого воспитания. Не так ли?

Рыльской хотелось растерзать Карпович, унижить ее, растоптать, а вместе с ней и охрану, и этих клуш, раскладывающих и расставляющих подношения. Но пока было не время. Поэтому Татьяна Сергеевна что-то пробормотала и направилась к выходу.

– А рысак-то от вашего постоянного посетителя – директора мелькомбината, – прокричала в спину Рыльской советник губернатора.

Но Татьяна Сергеевна не обернулась, и только голова ее слегка дернулась, помимо воли.

XIX

Нельзя сказать, что новое интернет-телевидение было оформлено легко и быстро. Вначале команда Соколова пыталась все сделать сама. Но оказалось, что переделывать каждую заявительную бумажку несколько раз совершенно не весело и склонять шею перед мелкими клерками во всяких государственных учреждениях – тоже удовольствие сомнительное. После череды мелких конфликтов и выпивания нескольких бутылок водки, команда решила для оформления компании и сайта привлечь знакомого юриста, строго-настрого запретив ему говорить об этом кому-либо.

Название телевидения придумывали долго. Мир, Миг, Факт, Обозреватель, Эксперт...

– Ну что это за Факт-ТВ? Шутники сразу последнюю букву в слове потеряют. И кем мы тогда будем? – горячился Царев.

Они, как обычно, собрались у Соколова в его маленькой двухкомнатной квартире и уже не только мечтали, но и выработывали план действия.

– А если Фактор. Фактор-ТВ? – спросила обычно молчавшая Света Кириенко, молодая, но очень серьезная журналистка, в каждом своем материале старающаяся найти самый главный смысл.

В компанию будущих медиамагнатов она попала случайно. Сумма необходимых средств после всех расчетов оказалась больше изначально предполагаемой. Вот и стали искать четвертого учредителя. И тут кто-то предложил Кириенко. Спокойная, работали вместе, деньги у отца, мелкого предпринимателя, должны быть. К всеобщему удивлению, Светлана быстро согласилась. Деньги у родных просить не пришлось. Копила на новую машину. Но телевидение интереснее. Так в банде мужчин оказалась молодая нимфа.

– Фактор? А почему бы и нет? – Соколов уже устал придумывать название и легко согласился с предложением. Он хотел действовать, снимать, обличать, жаждал прежней славы и обожания, а тут сплошные мелкие препоны.

Так спустя обусловленное законом время Роскомнадзор выдал свидетельство о регистрации сайта «Фактор-ТВ» с правами и обязанностями средства массовой информации.

Разместиться работники нового СМИ пока решили на квартире год назад умершей Светиной бабушки. Практически центр города, первый этаж, три комнаты. Зачем пока тратить деньги на аренду? Лучше их пустить на оборудование.

Для видео были приобретены четыре небольшие камеры, хорошего домашнего формата. Такой шаг пришлось сделать, несмотря на громкие протесты Царева, который кричал, что солидное телевидение никогда не будет связываться с подобными любительскими штучками. Но альтернативы не было. Собранные средства должны были дать команде возможность не только работать самим, но и набрать персонал, в первую очередь рекламщиков. А им платить надо.

Тюленев в строительстве компании принимал самое непосредственное участие: ездил с заявлениями, вместе со всеми разрабатывал задание по созданию сайта, ходил за пивом, когда встречи учредителей переходили в громкие разборки на почве творческих планов. Он вообще предпочитал как можно больше времени проводить на новой «работе». Дома его ждала вечно недовольная жена, раздражение которой сейчас подпитывалось отсутствием от Павла денег.

Ударными темпами портал интернет-телевидения был готов к середине ноября. На само-рекламу денег уже не было. Понадеялись на интерес коллег-журналистов, а дальше и чиновники с предпринимателями должны заинтересоваться.

20 ноября «Фактор-ТВ» стал доступен для пользователей сети. К первым материалам подошли с большим вниманием: анализ первых месяцев правления Медведевой, ситуация в «Овощевод», криминальная хроника. В первый день проект собрал около нескольких

десятков посетителей. Журналисты, друзья, родственники, знакомые и знакомые знакомых. За неделю аудитория выросла в несколько раз. На сайт стали заходить хозяева и посетители администрации области, районов и городов. «Фактор-ТВ» освещал все политические события, которые были на страницах и других ресурсов, но его подача была профессиональной и неангажированной. Впервые за долгое время можно было прочитать о том, что происходит в области, без сусальной позолоты и умалчивания.

Стремясь к новым формам подачи материалов, факторовцы решили делать online-трансляции с мероприятий областной администрации и городских торжеств. Они воспользовались моментом, когда почти каждый предприниматель и чиновник считает для себя необходимым быть в курсе происходящего в стенах администрации. Трансляциями занялся Тюленев. Его прошлая слава, немного грубоватый юмор и знание всех политических тайн сделали его прямые эфиры главной фишкой нового телевидения. За неделю посещаемость сайта увеличилась до тысячи посетителей в день. Рекламщики начали заключать первые контракты на рекламу. В материалах стали появляться комментарии. Все, даже критикуемые «Фактором» областные власти, были рады появлению нового ресурса.

Алевтина Георгиевна, не без подачи Карпович, одной из первых открыла для себя «Фактор-ТВ». Она сидела у себя в кабинете и водила по экрану планшета, когда в кабинет вошла Рыльская.

– А у нас, оказывается, появилось новое СМИ, – Медведева отвлеклась от компьютера и залпом выпила стакан воды. – Кто это и зачем?

Увидев пустой стакан и рядом большую бутылку с водой, Рыльская взяла бутылку и наполнила стакан губернатора.

– Четверо ребят решили поиграть в СМИ. Когда-то они были сильной телевизионной командой, которая держала в тонусе наших местных однопартийцев. А потом владелец телеканала продал его Мише Рогинскому, политтехнологу, который все выборы партии здесь делал. Хорошие деньги пришлось дать. А телекоманда работать с новым владельцем отказалась. Но зуд разоблачений им покоя не давал, вот и создали такой сайт. Думаю, быстро наиграются. Денег за ними нет.

Медведева выпила второй стакан воды, вытерла ладонью губы.

– Жаль, если надолго ребят не хватит. Я через них могу узнать о настроениях в области, да и обо всем, что вы все пытаетесь от меня скрыть. Ты их не трогай. Пусть ходят на все мероприятия, пусть пишут. Дальше посмотрим, – Алевтина Георгиевна немигающим взглядом посмотрела на Рыльскую. Татьяна Сергеевна ответила спокойным взглядом, а потом потянулась к бутылке и налила губернатору очередной полный стакан.

XX

Олеся Карпович сидела перед листом орголита и собирала пазл. Не особо большой. Но картина безоблачного синего неба занимала почти две трети собираемого пейзажа. И отличить один кусочек синевы от другого было очень не просто. Компьютер был отодвинут на самый край стола, под рукой стоял френч-пресс с кофе.

Такому нетипичному времяпровождению в стенах областной администрации предшествовал мониторинг СМИ, который Олеся традиционно закончила «Фактором-ТВ». Ее внимание привлек материал, в котором Андрей Соколов, ерничая, обсуждал необычное выступление вице-губернатора Пятеркина на молодежном форуме, посвященном вручению первокурсникам вузов области студенческих билетов.

Необычным мероприятием получилось из-за выступления Пятеркина в маске Дарта Вейдера из киносаги «Звездные войны». И все бы ничего, но Михаил Пятеркин объяснил столь экстравагантный вид тем, что молодежь в любую эпоху должна уметь мечтать и действовать. Но Соколов преподнес другую версию случившегося маскарада – в предшествующую молодежному форуму ночь вице-губернатор вместе с некоторыми другими обитателями областной администрации настолько хорошо отметил день рождения одного из коллег, что упал с лестницы, это и побудило Пятеркина скрыть лицо под маской. Приводились и другие подробности дружеской пирушки.

День рождения был у Карпович. И все описанное Соколовым было правдой. А это значило, что дружеская вечеринка собрала не только лояльных Олеся лиц, но и тех, кто готов работать против нее.

Олеся налила себе остаток кофе и посмотрела в окно. Было солнечно. Около фонтана неподалеку от администрации с визгом бегали дети. Чуть дальше на скамейке тусовалась компания молодежи. Судя по виду, такие же первокурсники, как и те, перед которыми выступал Пятеркин. Впрочем, его аудитория состояла из тщательно подобранной молодежи, которая вскоре составит ядро активистов, хорошистов и прочих «шистов» студенческого сообщества. Их будут звать на мероприятия, в которых нужна молодая массовка, они будут агитировать за «правильных» кандидатов в обмен на рубли и, может быть, им посчастливится участвовать в каком-нибудь молодежном форуме российского масштаба: дорогим, пафосным и совершенно ненужным.

А компания на скамейке была совершенно иного склада. В них не было надрыва и нервности, характерных для активистов. Они не рылись в своих смартфонах и планшетах, а спокойно покуривали и смеялись. За плечами одного из них, самого высокого, с длинными, кудрявыми волосами, виднелся футляр с гитарой. Самый невысокий, с ярко-рыжими волосами, что-то рассказывал и показывал, вызывая хохот собравшихся. Олеся вышла из-за стола и подошла ближе к окну. Один из компании – среднего роста, крепкий и, сразу видно, компанейский, в красной клетчатой рубахе, несмотря на прохладную погоду, – напомнил ей Пятеркина в молодости.

В свое время они вместе учились в МГУ. И нельзя сказать, чтобы дружили, но он был один из немногих, который в милиции и деканате, на общем собрании и в общежитии доказывал, что найденный милицией у Карпович в сумке пакетик с кокаином ей не может принадлежать. Он ей и не принадлежал. Это была месть одной из сокурсниц, красавицы-блондинки с папой на белом «Кадиллаке», которой Олеся публично дала пощечину. И было за что.

Гламурная красавица ради забавы «приблизила» к себе студента из соседней группы – Диму Наганова, умного юношу, красивого лицом, но с покореженными ДЦП ногами и туловищем. А потом со всей своей пресмыкающейся свитой подняла его на смех. Хорошо еще

соцсетей тогда не было, и издевательство дальше курса не ушло. Но и этого было достаточно для того, чтобы Димка вскрыл себе вены. Его откачали. И после одного из визитов к нему в больницу Олеся таким образом выразила свое отношение к Кукле. Наблюдая, как краснеет щека под дорогим тональным кремом и маникюренные ручки хватаются за декольте, Олеся испытывала физическое наслаждение. В драку с ней, конечно, никто не полез, да и одобрение поступка Карпович большей частью курса было слишком явным. Но дочка кадиллаковладельца жаждала реванша.

Когда спустя неделю на практическое занятие заявился наряд милиции и потребовал у всех показать свои вещи, Олеся совершенно спокойно вывернула карманы и вытряхнула сумку. Ей нечего было скрывать. Но из сумки выпал какой-то пакетик с белой пудрой. Милиционеры вцепились в него и для Карпович открылись двери ада. На пороге аудитории, когда Олеся беспомощно посмотрела на своих однокурсников, то увидела на всех лицах растерянность, и только лицо Барби светилось злорадством. Она издевательски помахала Олеся, а потом показала средний палец.

Обыски дома, допросы с пристрастием, очные ставки с какими-то сомнительными личностями. Милиция пыталась сделать из Карпович крупного наркоторговца. Этого требовало начальство. Этого требовали отчеты. Но наркоторговца из Карпович, благодаря невероятным усилиям родных, бывших учителей, родителей детей, которым Олеся на добровольных началах преподавала английский, а больше всего благосклонной судьбе, не вышло. Из МГУ ее, конечно, выгнали. Но так ли это важно, если над тобой синее безграничное небо, а не верх клетки.

Много лет спустя, возвращаясь из командировки по делам избирательного штаба директора металлургического комбината, задумавшего стать главой области к востоку от Москвы, Карпович совершенно случайно обратила внимание на мужика в хорошей куртке, роящегося в помойке. Каково же было ее удивление, когда в этом начинающем бомже она опознала Михаила Пятеркина. Он переживал не самый лучший момент в жизни. Работая на одного «авторитета», он быстро и умело научился жизни носителя малинового пиджака: Ницца, «Мерседес», большая квартира из расселенной коммуналки в центре города, красавица-жена из бывших моделей. Желая оградить себя от внимания компетентных органов, Пятеркин все имущество перевел на новобрачную. А потом «авторитета» убили. Миша остался без покровителя и очень быстро был выгнан на улицу женой, у которой в тот момент появился новый «авторитет».

Олеся пристроила Пятеркина в избирательный штаб. И с тех пор в любом перемещении Карпович по служебной лестнице ее сопровождал бывший однокурсник. Их связывали не любовь и не дружба, а память. Память о страшных событиях, которые были у каждого свои, и преодолены они были с участием друг друга.

Назначение Пятеркина вице-губернатором областной администрации было отмечено в тайном послужном списке Карпович сразу несколькими плюсиками. Во-первых, он был полностью ее креатурой, а во-вторых, совершенно не подходил на эту должность. Балагур – да, выпивоха – да, надежный малый – да, но только не заместитель губернатора, курирующий вопросы медицины и образования. Это была насмешка Карпович над всеми группировками, делящими портфели и имущество области. И вот теперь «Фактор-ТВ» начинает копать не там, где следует.

Компания за окном покинула скамейку у фонтана, дети побежали по своим делам. Теперь на площадке перед администрацией настало время мамаш с колясками. Одни устраивались на скамейках и начинали говорить по телефону, другие тыкали пальцами по дисплеям айфонов, а третьи наматывали круги по асфальтированной дорожке. Карпович переставила лист оргалита с пазлом на шкаф и уселась в кресло. Она успела посмотреть несколько замеча-

ний юристов на вносимый в Законодательное Собрание бюджет, как ее отвлек стук в дверь. И не дожидаясь ответа, на пороге возник Петр Колосов.

За неделю до этого Колосов побывал у Рыльской и пытался выяснить возможности губернаторского покровительства в вопросах закупки квартир для муниципальных нужд в его строящихся домах и в снижении различных обременений на новых объектах. Рыльская помощи не обещала, но за то, чтобы «подумать» о данной теме потребовала 20 млн рублей. Деньги небольшие, но Колосов, как бизнесмен, достигший высот за счет своих мозгов, нервов, изворотливости и невероятного чутья, не любил разбрасываться деньгами, если не был уверен в результате вложения. От Рыльской он вышел с убеждением, что вкладывать миллионы в рыхлую, старую бабу, которая деньги возьмет, гарантировать ничего не сможет, и даже компенсацию затрат натурой от нее не возьмешь, было бы неумно. Он брезгливо выбросил ее визитку в первую попавшуюся урну и стал думать о других вариантах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.